

О. Агишев
Нежность
Влюбленные

Одельша Александрович Агишев родился в Ташкенте в 1939 году. Окончив Ташкентское Суворовское училище, поступил во ВГИК на сценарное отделение. После защиты диплома в 1962 году О. Агишев писал сценарии документальных короткометражных картин, которые были поставлены на Ташкентской студии документальных, хроникальных и научно-популярных фильмов.

Первая большая работа О. Агишева в художественном кино — сценарий к фильму «Буря над Азией»

О. Агишев
Нежность
Влюбленные

0815-091
А ————— 141-146-73
025 (01)-73

© Издательство «Искусство», 1973 г

ОДЕЛЬША АГИШЕВ — КИНОДРАМАТУРГ

Широко распространено заблуждение, будто сценарий — это вспомогательный материал для самостоятельного творчества режиссера, безличная литературная запись предстоящих съемок.

Нет ничего более архаического, чем это представление. Разумеется, бывают ситуации, когда предварительное написание подробного сценария не нужно или даже вредно, — скажем, при репортажных съемках событий, протекающих на глазах оператора и режиссера, при многих документальных съемках, да иногда и при создании художественных картин с заранее предусмотренными импровизациями (например, запись интервью). В подобных случаях достаточно определения общей задачи.

Но все эти исключения не меняют главной закономерности современного кинематографа — необходимости создания драматургической структуры в форме литературно-кинематографического произведения — сценария.

Говоря языком эстетических категорий, кинодраматургия, как и театральная драматургия, — это особая форма художественного освоения действительности. Стихия кинодраматургии — характеры, композиция, сюжет, все то, что воплощает художественную идею, мироотношение автора. Сценарий, как и каждое произведение искусства, отражает и личность автора, своеобразие его дарования.

Но свое бытие в новом качестве — в фильме — сценарий приобретает только тогда, когда образное представление кинодраматурга и образное представление режиссера совпадают, сливаются воедино. От «обычного» писателя сценарист отличается способностью заранее представить себе экранное решение своего произведения, так же как автор пьесы «видит» еще не поставленный спектакль.

Слово полноправно входит в визуальное искусство кинематографа, в логику монтажного развертывания действия в форме прямой, непосредственной — диалог, закадровый голос — и в отраженной — во всей драматургической структуре сценария, включая стилистику, интонацию описательной части (ремарки).

Полноценный сценарий живет самостоятельной жизнью и в процессе создания фильма как стимул и основа режиссерского творчества и — независимо от этого — как произведение литературы, публикуемое в периодике или отдельным изданием. Подтверждение тому — лежащая перед читателем книга.

Оба сценария этого небольшого сборника были поставлены, и оба представляют интерес для читателя.

Мне по душе сценарии Агишева прежде всего потому, что в них выражено трепетное отношение автора к человеку, посвящены ли они сегодняшнему дню или истории нашей революции. «Влюбленные» — это слово относится и к персонажам сценария и к самому автору, влюбленному в жизнь, в своих героев.

Особенно тонко ощущает и передает Агишев трудное,

сложное время в жизни человека, когда кончается детство и начинается юность («Нежность») и когда кончается юность и приходит зрелость с ее проблемами («Влюбленные»). Своих героев автор видит в реальной, с детства хорошо ему знакомой среде, на улицах его родного города Ташкента, в выжженной солнцем степи, среди нефтяных вышек, на берегу холодного, стремительного Анхора. На экране происходит не просто смена пейзажа, фона, обстановки действия — человек предстает в его бытовых и социальных связях, вытекающих из событий сценария. Это разрушает кажущуюся «камерность» повествования, расширяет мир героев фильма. Нейтральный фон превращается в своеобразное «действующее лицо».

Поэтический характер публикуемых сценариев никак не однозначен идилличности. Автор проводит своих героев сквозь строй серьезных драматических испытаний.

Молодой герой «Нежности» переживает свое первое жизненное потрясение — драму неразделенной любви. Во «Влюбленных» лаконично, в двух-трех эпизодах рассказана драматическая ситуация в жизни Рустама. У него есть отец — и... отца нет: он бросил семью, к Рустаму относится как к постороннему, а когда умирает мать Рустама, даже не приходит на похороны. Несмотря на краткость рассказа, он психологически обоснован и точен. Все освещено прекрасным чувством нежности, доверием к Рустаму, к его друзьям, к матери и непримиримостью к самодовольству, эгоцентризму и подлости, какую бы они форму ни принимали. Драма предстает перед нами не как проходная очерковая зарисовка, а как конфликт социального звучания. Внутренний оптимизм сценариев Агишева заключен не столько в расцветках фейерверка и вынужденной улыбке девушки на карнавале (в финале «Нежности») или в блеске перекатывающихся в водопаде арбузов (в финале «Влюбленных»), сколько в благородстве исходной нравственной позиции автора, в честности, психологической правде и органичности раскрытия основных конфликтов.

Круг интересов героев Агишева не ограничен домом, семьей, улицей. Приведу один пример. В сценарии «Влюбленные» рассказана история восторженного юноши-грека Тасоса, живущего в эмиграции, в Ташкенте. Мать его осталась в Греции. Наступает час возвращения юноши на родину. Он полон надежд и иллюзий, веры в то, что русская девушка, которую он полюбил, тоже когда-нибудь приедет к нему в Грецию. Сцена проводов Тасоса — одна из лучших в сценарии: в ней горечь разлуки со своей второй родиной, с полюбившимся ему городом, с друзьями, с девушкой, и в то же время — радость от сознания, что он возвращается домой. А в эпилоге сценария мы видим окровавленное, искаженное болью лицо того же Тасоса, схваченного полицейскими во время разгрома молодежной демонстрации против захватившего власть диктаторского военного режима. Идиллическое представление Тасоса о своем будущем, о своей милой Греции рухнуло. Тасос становится борцом.

О судьбе греческого юноши сказано выразительно, эмоционально, с внутренним подъемом. В интонации повествования преобладает сдержанность, диалог до предела краток, большей частью в нем состояние персонажей передается отраженно. Но это — не единственная сценарная форма, которую автор использует в своих работах.

В сценарии «Чрезвычайные комиссары», написанном совместно с режиссером А. Хамраевым и поставленном в 1970 году, есть такая сцена: комиссар Ходжаев приходит к вожаку басмачей Мадамин-беку, чтобы убедить его капитулировать и таким образом избежать ненужных жертв. Их разговор — пример острой идейной борьбы не на жизнь, а на смерть. Лозунгам «священной войны» под знаменами ислама комиссар противопоставляет правду, за которую борются большевики. Происходит следующий диалог.

«Комиссар. ...Но если ты уверен, что твои идеи бессмертные, вечные, почему ты вбиваешь их в головы

людей оружием? Прекрати войну, и твои идеи победят, если они верны.

— Они не могут победить, пока вы держите власть и учите народ своей вере! — воскликнул Мадамин.

— Учи и ты своей. Пусть победит сильнейшая, истинная вера».

И дальше комиссар убежденно излагает свои позиции, заканчивая словами:

«— Даже в Коране сказано, что пророк завещал правителям превыше всего ценить труд земледельца. Того земледельца, у которого ты отнимаешь землю, дом, загоняешь в пещеры, доводишь до скотского состояния. Сдавайся, Мадамин, будет поздно, народ проклянет твое имя».

Каждое произнесенное слово четко выражает позицию, рисует характеры. Лирический строй повествования не помешал открытому показу борьбы — и идейной и вооруженной.

Какую бы форму ни избрал Агишев, он всегда стремится к точности, художественной правде и в основных характеристиках событий, героев и во всех деталях. Но этим автор не ограничивает своей задачи.

От достоверности, правды подробностей он подводит читателя, зрителя к публицистическим и поэтическим обобщениям.

Разве не воспринимаются нами как образ революционной борьбы кадры с греческим юношей в схватке с врагом на улицах Салоник?

Рассказывая о Рустаме, о том, как глубоко он переживает свое первое настоящее горе, автор показывает состояние дорогого нам героя и в заключение пишет: «...это были последние слезы юности».

Прекрасный жизненный взлет Рустама и пережитое им потрясение — все это сливается в целостный образ, обозначающий рубеж перехода от юности к самостоятельной жизни. А в эпилоге сценария, когда появляется молодая мать с сыном на руках — жена Рустама, автор трактует ее как образ

Женщины-матери с большой буквы, как Мадонну. И Рустам — это Человек с большой буквы.

Сценарий «Чрезвычайные комиссары» также завершается авторским внутренним монологом о том, в чем заключается смысл подвига его бессмертных героев.

Поэтическая обобщенность образов — великая традиция советского кино. В финале фильма «Потомок Чингис-хана» Пудовкина подымается буря. Изображается она не просто как проявление стихийных сил природы — как образ национально-освободительной революции.

Поэзия — не довесок, она в сердцевине творчества Эйзенштейна, Довженко, Всеволода Вишневского, многих современных киносценаристов и режиссеров.

И все же к поэтическим метафорам чаще всего обращаются в произведениях на исторические темы.

А Одельша Агишев в сценариях «Нежность», «Влюбленные», «Белые, белые аисты», посвященных нашим дням, — поэтичен.

Если повторить слова Мейерхольда, он одним крылом прикасается к земле, другим — к небу.

Я пишу эти строки не только как ценитель прочитанных сценариев, но и как педагог, знающий автора со студенческой скамьи. Не утверждаю, намного ли лучше своих сверстников Агишев писал, но одно могу сказать с полной убежденностью — он был совестью курса.

Все знали: то, что Агишев сказал или написал, — это правда.

Он приехал в Москву из Ташкента после окончания Суворовского училища. Для него Узбекистан — не место поездок с целью ознакомления с «материалом»; здесь он вырос.

На вопрос о том, чему его научил ВГИК, Одельша Агишев мог бы ответить словами Конрада Вольфа, немецкого режиссера, президента Академии художеств ГДР, тоже вчерашнего нашего студента:

— ВГИК научил меня главному — интернационализму.

Именно поэтому значение сценариев Агишева, раскрывающих национальные характеры, атмосферу жизни Советского Узбекистана, выходит далеко за рамки одной студии и одной республиканской кинематографии.

В его талантливых, тонких и скромных работах отражены некоторые существенные тенденции и поиски современного советского киноискусства.

И. ВАЙСФЕЛЬД

I. САНДЖАР

Путешествие начиналось на окраине. Над паутиным сплетением душных улочек Старого города раздался разбойничий посвист, и вслед за ним показались пятеро ребят. Они бежали по наклонной улочке, катя перед собой туго надутые автомобильные камеры. Шестой член компании — черная собачонка неизвестной породы — шариком катилась под ногами ребят, оглашая улочку скандальным лаем.

Следом мчался мальчишка лет семи и отчаянно вопил:

— Стойте, и я с вами! Санджар, ты же обещал!

— Иди домой, учи уроки! — отмахнулся Санджар.

— Да я уже выучил!

— Ну кому сказал, иди домой!

Со звоном шлепнулись на воду туго надутые автомобильные камеры, ребята уселись на них, оттолкнулись от берега и отплыли в дальний путь.

Мутный холодный Анхор стремительно понес их мимо уютных зеленых дворишков, мимо решетчатых оград и заборчиков, мимо склоненных к воде талов.

Было хорошо в жгучий июльский полдень плыть по узкой речке в тенистом шатре зелени через весь город.

Опустив загорелые ноги в воду, ребята привычно сидели на покачивающихся камерах и иногда подгребали руками, чтобы плыть вместе.

Один из них держал в руках общий узелок с одеждой, другой — гитару, а самый маленький — черную собачонку. Еще двое, самые старшие, плыли на своих камерах полулежа. Это считалось высшим классом.

Мимо проносился плоский травянистый берег, по нему за плывущими некоторое время бежал семилетний мальчишка, потом отстал.

Из какого-то двора залаяла на ребят огромная овчарка, и черная тявка отозвалась ей залившимся дискантом.

Овчарка смолкла, махнула хвостом и стала шумно лакать воду.

Молчаливая пара влюбленных, сидевшая у воды, проводила ребят глазами.

Ритмично наигрывала гитара, и ребята завели песню. Это была великолепная песня:

— Пам! Па-ра-ра. Пам! Па-ра-ра. Тай-ра!

— Пам! Па-ра-ра. Пам! Па-ра-ра. Тай-ра!

На секунду песню заглушил мерный скрип водяного колеса, потом она гулко разнеслась под мшистыми бетонными плитами низкого моста.

За мостом открылось широкое солнечное пространство. Здесь речка разливалась на два потока, огибающих длинный островок, ставший «диким» пляжем.

На левом берегу накатывала камеры другая компания со своим капитаном, рыжим и дерзким.

— Здорово, салажата! — усмехнулся Рыжий.

— Привет, лягушата! — ответил Санджар.

— Вы что, опять по нашей реке плаваете?

— А вы что, ее купили?

— Купили!

— За сколько?

— Хочешь знать?

— Хочу!

— Сейчас узнаешь.

— Целься по камерам, — скомандовал Рыжий.

Команда Санджара, готовясь к ответной атаке, тоже подняла рогатки.

Секундная пауза. Бой не состоялся.

— Ну ладно, мы с вами еще встретимся, — пообещал Рыжий.

Компания Санджара засвистела, заулюлюкала в ответ.

Санджар отделился от товарищей и направил свою камеру к берегу.

— Санджар, ты куда? — окликнул его гитарист.

— Сейчас догоню! — крикнул Санджар и, выскочив на берег, покатила камеру по дорожке сквера.

Он выбежал на трамвайную остановку, к ларьку с газированной водой. Здесь было душно и пыльно, звенели на повороте трамваи, потоком шли машины.

У ларька толпились люди. Санджар встал в очередь и достал мелочь из кармана на плавках.

Санджару исполнилось уже шестнадцать. Его смуглое тело было сейчас влажно, и люди, стоявшие на жаре в

раскаленных рубашках, шляпах и пыльной обуви, смотрели на него со светлой завистью и улыбками.

Он жадно выпил стакан и побежал к реке.

С разбегу кинулся в воду, уселся на камеру и стал догонять ребят.

Их уже не было видно, песня слышалась далеко впереди.

Речка круто повернула, и Санджара понесло быстрее. Он перестал грести и устался на берег.

Там над самой водой сидела на скамейке девушка лет двадцати двух. Она была одна. Она сидела, низко опустив грустное лицо. Просто ей было не очень хорошо жить в этот день.

Нечто большее, чем сочувствие, заставило Санджара тормозить сколько возможно и пристально смотреть на девушку. Она подняла голову, безразлично взглянула на Санджара и отвернулась.

Санджара понесло дальше. Секунду он думал, потом решительно рванулся к берегу.

Он покатила свою камеру по траве, потом свернул и, описав большой полукруг мимо забора, чайханы, магазина, оказался снова в том месте, откуда бросился догонять ребят.

Он погрузился в свой транспорт и стал энергично подгрывать против течения. Теперь его достаточно медленно несло к тому месту, где сидела девушка.

Она снова подняла голову, непонимающе посмотрела на Санджара и улыбнулась. Заметив ее улыбку, Санджар ухватился за ветку дерева, повисшего над речкой.

— Ну что, делать тебе нечего, да? — спросила девушка.

Смущенный Санджар упустил из рук ветку и проплыл немного, но тут же ухватился за другую. Девушка посмотрела на него, отвела взгляд и снова задумалась о чем-то своем.

Санджар не решился окликнуть ее. Он медленно отпустил ветку и, все еще глядя на девушку, уплыл.

Она осталась одна. Пристально и задумчиво смотрела она прямо перед собой, на воду.

Проплыл на спине мальчишка лет десяти, коричневый от загара. Плыл он картинно, выставив из воды только кончики ног и важно торчащую голову с непомерными ушами.

Девушка рассеянно посмотрела на него, потом обернулась и тихо засмеялась.

К ней снова приближался Санджар на своей камере.

Он подплыл, глядя в сторону, и, поймав ту же ветку, остановился.

Они молча смотрели друг на друга: она — открыто, спокойно, а он — исподлобья.

— Вы приезжая? — спросил он.

— Почему — приезжая?

— В Ташкенте таких не бывает...

— Бывают, — усмехнулась она.

Помолчали.

— Наверно, вы кого-нибудь ждете?

Девушка покачала головой.

— А хотите, я вас покатаю?

— Ну что ты, — удивилась девушка.

Компания Санджара плыла молча. Без капитана даже не пели. Самый маленький все время оглядывался, с нетерпением всматриваясь в реку.

— Ну где же он?..

— Сейчас догонит.

Камера Санджара была огромна. Когда-то она служила могучему самосвалу, и удержать на себе двух людей было для нее сущим пустяком.

Санджар и девушка сидели друг против друга на упругом теплом боку камеры и плыли по течению.

Так на борту великолепного, залатанного старой резиной корабля Санджара впервые появился симпатичный пассажир, который с интересом осматривался по сторонам.

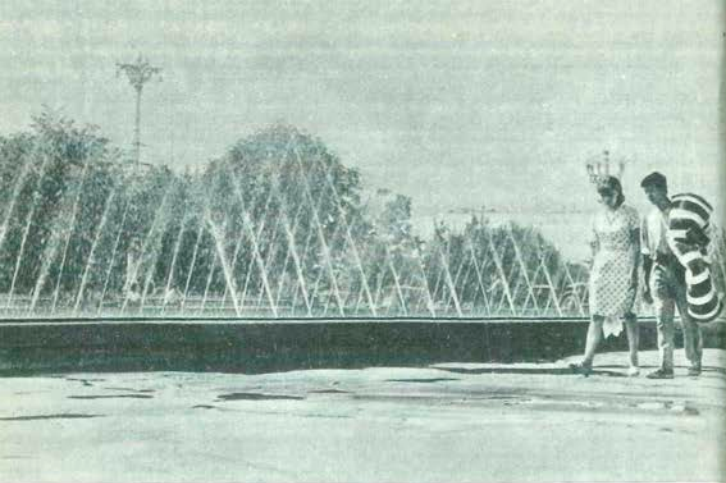
Санджар уверенно вел свое судно по знакомому пути.

Он вдруг оглушительно свистнул.
— Это зачем? — спросила девушка.
— Тут мальчишки с деревьев ныряют, — объяснил он. —
Надо предупредить, чтобы на нас не свалились...
Открылась тихая тенистая заводь. Высоко над водой раскачивались на веревках несколько мальчишек.
— Ах! — раздался звонкий крик.
Темно-коричневые тела мелькнули среди ветвей и с шумом упали в воду рядом с камерой, качнув ее.
Девушка, вздрогнув, отпрянула назад. Прямо у ее ног, в центре резинового круга, появилась из воды чья-то мокрая и взъерошенная голова.
— Ку-ку, — сказала голова.
Санджар, не церемонясь, влихнул ее в воду.
Через секунду голова вынырнула в стороне и ехидным голосом крикнула:
— Жених и невеста!

Санджар замахнулся:
— Сгинь, огурец!
Голова сгинула.
— Тут, оказывается, водяные есть, — засмеялась девушка.
— Это они перед вами фикстуют, — объяснил Санджар.
Девушка улынулась.
Камеру мягко закрутило на быстрине, поплыли, меняясь, берега.
— А вода холодная, — сказала девушка. — Наверно, если долго сидеть, судорога хватает...
— Кого как. Недавно одного так схватила, что он на весь город орал.
— Не утонул?
— Да нет, выволокли. Здесь и утонуть-то по-человечески нельзя.
Они проплыли под мостом, в холодной черноте. Здесь было темно и сыро. Глухо гудел над головой идущий по мосту трамвай.
— А как вас зовут? — спросил Санджар.
— Лена.
— А меня Санджар.
Корабль Санджара выплыл из-под моста, и Лена зажмурилась от солнца.
— Когда я впервые увидела эту речку, по ней плыли арбузы...
— Значит, вы все-таки приезжая?
— Да нет, — сказала Лена. — Это было двадцать лет назад.

Впереди маячила одинокая фигура какого-то парня. Он лежал на камере развалиясь, низко надвинув на лоб огромную панаму, выставив над водой пятки и всем своим видом выражая полную незаинтересованность в этом мире. Парень и не знал, что весь он, со своей панамой и торчащими пятками, отлично виден в окуляры бинокля.

А разглядывал его нехорошим взглядом толстый мальчишка, притаившийся за кустом на берегу. Он отложил бинокль, поднял лежащую рядом «воздушку», зачем-то послунавил патрончик, зарядил и, кровожадно засопев, начал целиться. Рука пирата была тверда. Щелкнула «воздушка». Засвистел воздух, вырываясь из камеры, и парень в шляпе погрузился в воду.

— Что это с ним? — спросила Лена.

— Камера лопнула, — ответил Санджар, прилаживая на пальцах тонкую резинку.

— А это часто бывает? — спросила Лена, с сочувствием разглядывая потерпевшего.

Санджар натянул резинку и тщательно прицелился в сторону куста, где скрывался пират.

— Не беспокойтесь, с нами этого не случится, — сказал он и выстрелил.

За кустом раздался пороссячий визг, и толстый разбойник резво усакал вдаль, держась рукой за одно место.

Поплыла длинная решетка стадиона. За ней мальчишки-планеристы запускали своих птиц. С рокотом носилась по кругу на шнуре кордовая модель. Лена услышала рокот, подняла голову на взвившуюся в небо модель и вдруг сказала упавшим голосом:

— Улетел...

— Кто? — спросил Санджар.

— Самолет. А в нем один человек. Андрюша.

— Это Ваш муж?

Она покачала головой, и больше Санджар не решился спрашивать.

— ...Вообще у меня в жизни было много неприятностей, — продолжал Санджар. — Однажды бежал из дому.

— Из-за чего? — спросила Лена.

Они шли по улице. На плече Санджар нес пустую, смятую камеру.

— Из-за картины. Была такая картина — «Бродяга». Вы видели?

— Кажется, видела.

— Законная картина. Я ее тринадцать с половиной раз смотрел.

— Почему с половиной? — улыбнулась Лена.

— Последний раз отец не дал досмотреть. Мы с дерева глядели, а он прибежал с ремнем. Ну, мы крупно поговорили, и я ушел из дому.

— Куда?

— В цистерну. Мы там втроем жили. Потом нас поймали... Паганини выдал, скрипач. Мы ему поверили, а он выдал...

Они стояли на трамвайной остановке и молчали.

Санджар стал выжимать из камеры остатки воздуха, потом вывинтил ниппель и стал дуть в него. Он дул старательно, серьезно, как будто это было очень важно.

А Лена посмотрела на него, потом взяла ниппель, тоже поднесла к губам и стала продувать — наверно, думая, что так нужно, — и лицо у нее стало сосредоточенным.

Со звоном подошел трамвай, и Лена, оглянувшись, сказала:

— До свидания, Санджар.

Санджар молчал.

— Мне действительно пора.

Она протянула ему руку. Повернулась, подбежала к вагону, вскочила на площадку и оглянулась. Санджар смотрел на нее.

— До свидания, Санджар, — повторила она.

Санджар опустил голову.

Трамвай ушел, рассыпая дугами искры. Санджар долго провожал его взглядом.

Сестренка Санджара была счастлива так, как может быть счастлив только пятилетний человек, впервые сидящий в пестрой, со сказочными крыльями тележке, которую резво везла по аллеям парка лошадка-пони.

Девочка хохотала, вскрикивала и хлопала в ладоши, а вокруг так же счастливы были еще пять-шесть детей.

Каменным выглядело среди их сияющих физиономий лицо Санджара. Его посадили сюда, чтобы присмотреть за сестрой, попутно поручив и других детей. Он возвышался над всеми и не знал, что сделать, чтобы казаться меньше и незаметнее.

Тележка весело неслась по аллее, позванивая колокольцами, гуляющие оглядывались и улыбались, а Санджар страдал. Когда сестренка слишком высывалась за борт, он довольно энергично усаживал ее на место, но она не замечала этого. Слишком уж она была счастлива, а то бы непременно обиделась.

Мальчишка, сосредоточенно поедавший мороженое, увидел Санджара и изумился:

— Смотри, какой долбак катается!

— Ага, даже лошадь жалко, — откликнулся его приятель.

Санджар скривился от стыда и погрозил им кулаком.

Наконец тележка остановилась, и ее окружили папы и мамы.

— Еще, еще! — закричала в нетерпении девочка.

— Нет уж, с меня хватит! — проворчал Санджар.

Он подвел упирающуюся сестренку к родителям и сразу заявил:

— Я пойду погуляю.

— Что это с тобой? — спросила мать. — Ты какой-то беспокойный стал.

— Да все в норме, — отмахнулся Санджар. — Я пошел.

— Здравствуй, Санджар, — тоненькая девушка, совсем еще девочка, смотрела на него пристально, с ожиданием. Он кивнул.

Они шли рядом и молчали.

— А я замуж выхожу, — сказала девочка.

— За кого? За Вальдана?

— Нет. За Паганини.

— А... хороший парень, — рассеянно сказал Санджар. Помолчали.

— Ты кого-нибудь ищешь? — спросила девочка.

— Нет. Просто гуляю.

— Пошли с нами купаться.

— Не хочется.

Подбежал маленький мальчик и тревожно сообщил:

— Валя, Валь! Тебя Паганини зовет. Пошли скорей, а то он разоряется...

Девочка Валя искоса взглянула на Санджара и резко повернулась.

— Паганини привет передавай, — крикнул Санджар ей вслед.

— Не передам.

— Почему?

— Не хочется, — крикнула она с обидой и убежала.

Бесцельно, наугад брел Санджар по дорожке парка и вышел к берегу городского озера. Здесь было шумно и многолюдно. Тихо плескалась о береговой бетон зеленоватая вода. Санджар остановился. Под полукруглым мостиком, висящим над водой, раскачивался на веревке загорелый мальчишка. Санджар задумчиво смотрел на озеро и вдруг увидел его пустым...

...Однажды весной по дну пустого озера бежала ватага мальчишек во главе с девятилетним Санджаром. Они волокли за шиворот упитанного мальчишку, аккуратно причесанного, в очках и со скрипкой.

— Паганини поймали!

— Держи его, Санджар.

— Попался, скрипач!

Да, он был скрипач, толстяк, маменькин сынок, и еще он выдал друзей, сбежавших из дому и живших в цистерне. Все это позволяло обращаться с ним без всякой пощады.

— А зачем поймали, бить будем, да?

— Не отставай. Сейчас увидишь.

Через несколько минут Паганини сидел на летающих качелях, привязанных под мостиком, и, чуть не плача, покорно играл на скрипке.

Ватага сидела на опрокинутых лодках, со смехом следила за взлетающим маэстро и слушала.

Но когда один из мальчишек швырнул в Паганини огрызком яблока и попал в очки и толстяк вдруг перестал играть, собираясь зареветь, Санджар вскочил и двинул обидчика по уху. Тот ответил тем же. И пошла потасовка.

Один за другим в сражение втягивались все мальчишки. Страсти разгорались не на шутку.

А по берегу мелкой рысцой убегал забытый «маэстро Паганини»...

Пожилой трубач в шляпе привычно выдувал из своего инструмента танцевальные звуки. Остальные члены небольшого духового оркестра монотонно вторили ему.

Оркестранты сидели в углу небольшого дощатого паромчика, ярко раскрашенного и увешанного флажками. Редкая толпа пассажиров стояла у перил, а в центре площадки одинокая пара чинно и старательно танцевала краковяк.

Паромчик медленно совершал увеселительную прогулку по озеру.

Санджар, облокотившись на перила, улыбаясь, смотрел на танцующую пару. Вдруг музыка смолкла.

— Товарищи! — раздался голос. — Кто умеет играть на барабане?

Это спросил курчавый человек жгучего вида, стоящий около аккордеониста. Все молчали.

— Тут, понимаете, барабанщик на работу не вышел, — объяснил курчавый.

— Да, его в военкомат вызвали, — подтвердил аккордеонист.

— Кто может сыграть, товарищи? — снова спросил курчавый.

— Я, — сказал Санджар.

И вот он сидел за ударной установкой и отбивал ритм лезгинки. Ритм нарастал. Пассажиры начали прихлопывать.

— Асса! — разнесся дикий вопль курчавого, и он, гикнув, понесся по парому.

Санджар, склонившись над ударной установкой, не поспе- вал за ритмом.

— Быстрее, прошу быстрее! — потребовал танцор и рас- кинул руки.

Оркестр набирал бешеный темп.

— Давай, давай, давай! Быстрей, быстрей! — кричал кур- чавый, и Санджар начал догонять этот яростный ритм, эту бешеную гонку, догнал — и теперь летел вместе со всеми на своем барабане и тарелках, бил самозабвенно, с грохотом, с силой, словно выражая в этой игре что-то важное, не столько связанное с музыкой, сколько свое, скрытое...

— Пам! Па-ра-ра! Тай-ра!

— Пам! Па-ра-ра!..

Из-за поворота речки показались несколько автомобиль- ных камер. На них — компания Санджара. Ребят было по- прежнему пятеро, только теперь пятым стал семилетний мальчишка, которого наконец взяли с собой.

Песня смолкла. Ребята заметили что-то на берегу и оста- новились, схватившись за ветки дерева, склоненного над водой.

У пустой скамейки, где когда-то сидела Лена, стоял Сан- джар.

Ребята смотрели на него и молчали, не решаясь окликнуть, а он не поднимал головы, не замечая их.

Ребята переглянулись и, наверно, вдруг поняли, что они потеряли одного из своих, анхорского капитана Санджара, потеряли навсегда.

Один за другим они начали отплывать, и все молчали, только черная собачонка тявкнула растерянно и затихла.

Ударил гром, сразу стало по-вечернему темно, и по речке запрыгали фонтанчики дождя.

По улицам бежали прохожие, и хлесткий, крупный ливень подгонял их. Прятались кто куда — в подъезды, телефонные будки, под деревья.

Санджар тоже забежал под крону старого платана и при- жался к серому шершавому стволу.

На улице уже было совсем темно. Начиналась ночь, горели фонари в листве, в их свете поблескивали струи дождя.

Санджар оглянулся и вздрогнул. Под соседним деревом стояла Лена.

Забыв о дожде, он подошел к ней и сказал тихо и не очень внятно:

— Здравствуйте...

Она обернулась.

— Санджар? Здравствуй.

Она как будто и не удивилась ему, спокойно улыбнулась.

— Ну что, тоже под дождь попал?

— Ерунда.

Они стояли под деревом плечо к плечу.

— Как живешь? — спросила Лена.

— Нормально.

Он помолчал, потом сказал:

— А вы загорели.

— Мы в воскресенье на Ташкентское море ездили. Купались, рыбачили.

— Много наловили?

— Двух пескарей, — усмехнулась Лена.

— Вы, наверно, просто не умеете.

— Наверно.

Он снова помолчал, потом спросил:

— А тот, кто с вами ездил, тоже не умеет?

— А с нами никто не ездил. Были одни девчонки, — улыбнулась она.

— Тогда все понятно.

Наступило молчание.

— Цела твоя камера? — спросила Лена.

— Цела.

— Плаваешь?

— Так, иногда, — ответил Санджар.

Неподалеку, в летнем кафе, включили радиолу, и какая-то знакомая, тревожная в своей радости музыка слышалась сквозь шорох дождя. Лена прислушалась.

— Андрей еще не вернулся? — тихо спросил Санджар.

И сразу, как тогда на речке, лицо ее сделалось другим — беспокойным, грустным.

— Нет, — покачала она головой.

— А вы давно с ним дружите? — помолчав, спросил он.

— С трех лет, — улыбнулась она. — Нас с бабушкой сюда из Ленинграда эвакуировали. Он увидел меня на улице и

сказал: «Еще одного заморыша привезли». Вот так мы с ним и познакомились.

— А потом?

— А потом жили в одном доме до конца войны.

— Вы помните войну? — спросил Санджар.

— Немножко помню. Не войну, конечно, а то время.

Лена посмотрела на улицу, на свет фонарей.

— После Ленинграда я сильно болела, и Андрюша все время со мной возился. Даже на руках таскал.

Дождь уже кончился, капало с крыш, блестели листья под фонарем. В кафе танцевали. Какой-то парень с упоением отплясывал шейк.

Санджар еще несколько секунд смотрел сбоку на склоненное лицо Лены, потом вздохнул и сказал твердо, по-мужски:

— Ну, я пойду. Мне пора. До свидания, Лена.

Нестерпимо яркое, желтое зарево стояло над карборундовым заводом. Это светилась тонкая пыль, повисшая в воздухе. В ее сиянии фигуры людей казались черными, расплывчатыми.

Грохотали транспортеры, низко, басовито гудели печи, густая темно-красная лава неохотно, как тесто, сползала в формы.

Заканчивалась вечерняя смена. Мастер что-то объяснял, тыча рукой в огненный зев печи, но Санджар почти не слушал его, привычно орудуя лопатой.

— ...Главное — цвет, засек? — кричал мастер в гуле печи. — Белый, видишь? Значит, плавка не готова. Засек?

Санджар кивал, смахивал пот со лба, отходил к ленте транспортера, следил за бункером, подтаскивал формы, заглядывал в глазок печи, снова кивал, слушал мастера — и все это делал машинально, молча, почти бездумно.

А иногда попросту цепенел, отрешенно уходил в себя, застыв у пышущего жаром загрузочного люка.

Вечерняя смена шла к концу.

Пасмурная ночь окутала город. Было безветренно, улица казалась пустой. Санджар стоял, рассеянно разглядывая афишу. Послышались чьи-то шаги. Он обернулся. Прямо на него шла пара: высокий парень в плаще и рядом с ним Лена. Парень полуобнимал ее за плечо, они о чем-то говорили. Лена смеялась.

Парень в плаще первым почувствовал взгляд Санджара и посмотрел на него. Обернулась и Лена.

— Санджар? — улыбнулась она. — Здравствуй. Познакомься, — обратилась она к парню. — Он меня на камере по Анхору катал.

— Тимур, — сказал парень, протянув руку.

Санджар смотрел на него и молчал. Потом вдруг демонстративно сунул руку в карман и резко сказал:

— Андрей!

Лена застыла, как от удара. Тимур медленно опустил протянутую руку.

Шагнув к Санджару, Лена спросила растерянно:

— Зачем же ты врешь?

Он не ответил. Но смотрел в ее глаза прямо, не отворачиваясь. Стоял и смотрел.

— Эх, капитан, капитан, — сказала она тихо. Потом подняла руку и коснулась пальцами его щеки. Было что-то удивленное в этом движении — жалость, нежность, вина.

Санджар резко отстранился, повернулся и пошел прочь.

Он шел, сжав зубы, с закаменевшим лицом, прямо посреди дороги. Какая-то пустая жестяная банка попалась ему под ноги и отлетела вперед с раздражающим шумом. Он взглянул на эту банку и вдруг ударил ее ногой, уже нарочно. Банка покатила в сторону, а он побежал за ней и снова ударил.

Беспрерывно грохоча, катилась по асфальту банка, а Санджар бил ее. Бил с места и с разбегу, носком и подъемом. Бил молча, как врага. Замахивался ногой и сам подпрыгивал от ярости.

Ночная улица наполнилась грохотом. Вид Санджара был ужасен.

Раздался оглушительный скрип тормозов. В полуметре от него застыл летевший на него автобус. От неожиданности Санджар остановился. Из кабины высунулся шофер и сказал очень тихо и задушевно:

— Ну ты что, молодой человек, озверел?

Санджар молчал. В окна автобуса выглядывали редкие пассажиры.

— Когда пьешь, закусывать надо, понял?! — заорал шофер.

Санджар молчал.

— Ну что смотришь? — сказал шофер. — Садись, свинья! — и открыл дверцы. Санджар постоял еще секунду, потом вскочил в автобус.

В автобусе было светло и полупусто. Санджар плюхнулся на заднее сиденье, в угол. Он прислонился щекой к стеклу и долго ехал так, уставившись в черноту за окном. Там проплывал ночной город, уже пустеющий.

Автобус тряхнуло. Санджар поднял голову.

Напротив него, прямо за ящиком кассы сидели две девочки-подружки. Им было лет по пятнадцати. Они уже давно с любопытством следили за Санджаром, время от времени переглядываясь.

Санджар увидел их два похожих, круглых, совершенно детских лица и спросил:

— Ну, чего уставились?

Девчонки переглянулись и хихикнули. Вздрыгнули их короткие косички.

Автобус затормозил, и в него вскочила запоздалая пароч-

ка. Им было лет по восемнадцати. Парень не отрывал глаз от девушки, а она застенчиво смотрела в сторону, потом подняла голову, смущенно улыбаясь.

Пассажиры, улыбаясь, поглядывали на них.

Пристально и мрачно рассматривал парочку Санджар.

— Любовь, — сказал он негромко и усмехнулся. — Мура все это...

— Почему? — насторожились девчонки-подружки.

— А-а! — горько махнул рукой Санджар. — Не верю я в это дело. Все это такой обман, такое притворство... что жить не хочется.

Он рывком встал.

Девчонки переглянулись с тревогой.

Автобус остановился. Распахнулись дверцы. Когда они уже почти захлопывались, Санджар резко выпрыгнул на асфальт.

Он шел по пустой улице. Он не видел, как за его спиной автобус вдруг снова затормозил и распахнул двери. Две маленькие фигурки выскочили на дорогу и заметались в темноте.

Санджар удивленно оглянулся на них, узнал, улыбнулся очень растерянно и вдруг торопливо, как напавший ребенок, спрятался в будке телефона-автомата.

Это были они, девчонки-подружки с короткими косичками. Они остановились на перекрестке, беспокойно вглядываясь в темноту.

— Где же он? — с тревогой спросила одна.

— Не знаю, — испуганно ответила другая.

— А вдруг к реке пошел?

— Не может быть!

— Все может! Ты же видела его состояние!

— Скорей, мы должны успеть!

Обе ужаснулись и побежали. Долго слышался в темноте тревожный стук их каблучков.

Санджар за стеклом будки покраснел и мучительно нахму-

рился от стыда. Так он стоял с гримасой на лице, потом поднял голову и тихо, медленно приоткрыл дверь.

Он пошел по дороге, оглянулся, ударил ногой камешек. Прошел немного и снова оглянулся.

Он был один на совершенно пустой и темной улице, и светлая печаль начала рождаться в нем. Спокойная и светлая, совсем не детская печаль одиночества.

II. ЛЕНА

Скорость нарастала. Все стремительней уходила ровная лента асфальта под колеса открытого легкового автомобиля.

Машину вел молодой человек лет двадцати семи в больших темных очках.

Автомобиль проскочил дувалы и палисадники пригорода и помчался в сплошном коридоре листвы, за которой иногда открывались поля и далекая линия гор.

Самый беспокойный пассажир автомобиля — Марат давно вскочил со своего места на заднем сиденье. Он стоял посреди машины, и лицо его было вдохновенно.

— Братцы! — воскликнул он. — Посмотрите вокруг! Какая природа! Какие краски! Солнце, ветер и предстоящий плов! Романтика! Что еще нужно мне, сыну пастуха!

Лена засмеялась. Водитель в темных очках искоса посмотрел на нее и улыбнулся. Это был Тимур, тот самый парень, с которым ее видел Санджар.

— Старик, нельзя ли без лихачества? — недовольно сказал Шухрат, высокий парень, тоже сидевший сзади.

— А ты что, боишься? — обернулся к нему Тимур.

— Нет. Просто мне некуда спешить. На свои похороны я всегда успею.

— Ну и шулки у тебя, — усмехнулась Ульфата, вторая девушка компании.

— Тебе тоже страшно? — спросил Тимур у Лены.

Она покачала головой.

Он пристально посмотрел на нее и произнес негромко:

— Мне нужно тебе что-то сказать.

— Что?

Он помолчал.

— Нет, ничего. В другой раз.

Неугомонный Марат перегнулся через переднее сиденье, включил транзистор и стал приплясывать.

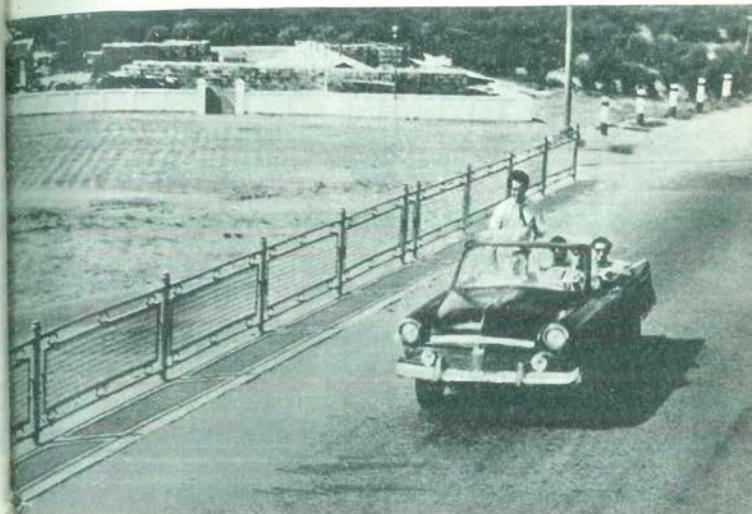
— Марат, сядь, упадешь! — закричала Ульфата.

— Нет! — воскликнул Марат. — Нет, вы мне скажите, кто организовал это мероприятие? Кто вас вытащил на свежий воздух, в солнечные дали? Дышите же глубже! Вперед!

Машина резко тормознула, и Марат упал на плечи Тимура с возгласом:

— В чем дело?

Тимур молча указал на деревянную перегородку поперек шоссе со словом «Объезд».

— Обьезд? Обьедем, — бодро кричал Марат. — Сворачивай, Тимур!

Тимур свернул на проселок. Сразу за клубилась пыль.

— Проселки — это поэзия моего детства, — начал Марат, но тут же смолк, рухнув на колени.

Машина провалилась в один из ухабов на дороге, рывком выскочила из него и ухнула в другой. Марат окончательно свалился на дно кабины, девушки вскрикнули.

— Здесь мы не проедем, — сказал Тимур.

— Значит, пикник отменяется? — разочарованно спросила Ульфата.

— Почему отменяется? — сказал Марат, поднимаясь на ноги и чихая. — Все прекрасно, едем к бабушке Хадиче!

— К какой еще бабушке? — мрачно спросил Тимур, отряхиваясь от пыли.

— К моей двоюродной бабушке Хадиче! — воскликнул Марат. — Вперед!

— Да ну... — сморщился Шухрат.

Тимур снял запыленные очки. Лена протянула ему платок.

— Смотрите, какие слоники, — насмешливо сказал Тимур, развернув его.

— Не нравится — отдай!

— Марат, мы же хотели ехать купаться. Почему к бабушке? — спрашивала Ульфата.

— Братцы мои. — с чувством просил Марат. — Мы просто обязаны поехать к моей любимой двоюродной бабушке. Я у нее не был уже сто лет! Это тут, рядом...

— Вечно у тебя какие-то дурацкие идеи, — сердилась Ульфата.

Автомобиль проехал по тенистой асфальтированной улице небольшого поселка и остановился у одного из домов.

— Так, — сказал Марат, выпрыгивая из машины, — кажется, здесь.

Маленькая девочка с мячиком в руках сосредоточенно рассматривала приезжих.

Марат подошел к ней.

— Бабушка Хадича здесь живет?

— Здесь, — ответила девочка.

— Все правильно, — потер руки Марат и скомандовал: — За мной!

Все вышли из машины. Шухрат вытащил из багажника авоську с продуктами для плова.

Марат подошел к резной калитке и надавил пальцем кнопку звонка. За калиткой было тихо.

— В чем дело? — удивился Марат и стал звонить беспрерывно.

Девочка с мячиком, задумчиво наблюдавшая за ним, сказала:

— А звонок не работает...

— А? — обернулся Марат и рассердился. — Что же ты молчала?

Девочка вместо ответа повернулась и пошла по улице, играя мячиком. Ей все уже стало неинтересно.

— Бабушка Хадича! — позвал Марат и вошел во двор. Остальные нерешительно стояли на улице.

Во дворе было тихо и пусто. Журчал арык, покрикивала перепелка в деревянной клетке под виноградником.

— Бабушка-а! — снова позвал Марат и двинулся в глубь двора.

В тени виноградника над арыком на корточках сидела маленькая, сухонькая старушка и чистила песком кумган.

Марат бросился к ней.

— Здравствуйте, дорогая бабушка! — радостно воскликнул он.

Старушка обернулась и тяжело встала с кумганом в руках.

— Здравствуй, сынок, — ласково сказала она и посмотрела на Марата, не узнавая его.

Марат растерянно стоял перед ней, протянув руки, а она пристально, прищурив глаза, всматривалась в него. Потом вдруг лицо ее посветлело, она всплеснула руками и тихо сказала:

— Ох, боже мой... Как не стыдно моим глазам... Это же Марат приехал! Внучек!

— Да-да. Это я, дорогая бабушка! — вскричал обрадованный Марат, подхватив старушку в свои объятия, и стал целовать ее морщинистые щеки.

— Бабушка, одну секунду, я не один! Со мной коллектив! — Марат кинулся к калитке и затащил во двор всю компанию.

— Вот. Это мои самые близкие друзья, бабушка. Познакомьтесь — Лена.

— Здравствуй, дочка, с приездом.

— А это, бабушка, мой друг Ульфата.

— И ты здравствуй, друг Ульфата.

— Бабушка, а это Шухрат.

— Добро пожаловать, Шухрат, добро пожаловать.

— А вот, бабушка, Тимур.

— Какое замечательное имя. Здравствуй, дорогой, здравствуй... Ну как доехали?

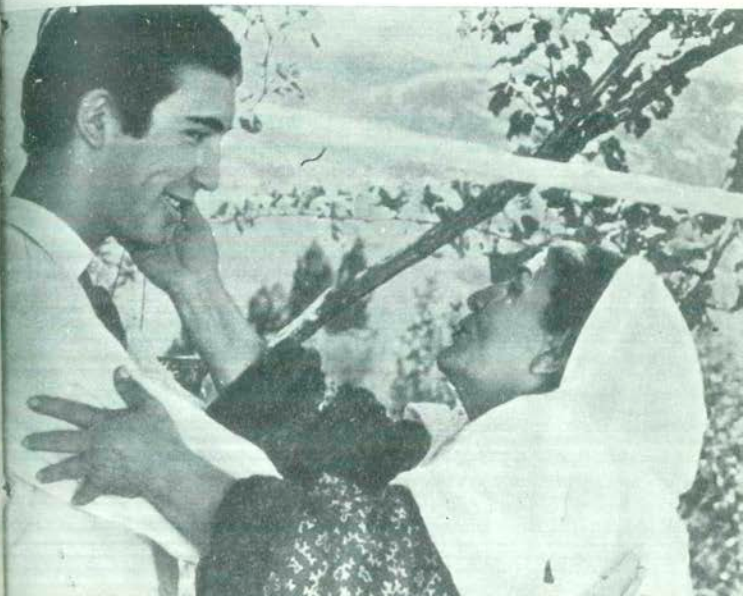
— Хорошо.

— Слава богу, — она молитвенно провела по лицу. — Идемте, дорогие, в дом.

Склонившись над тазиком, Тимур с наслаждением плескал в лицо холодной водой. Подошла Лена с полотенцем в руках. Несколько секунд она, улыбаясь, следила за ним, потом тихо подкралась сзади и быстро завязала ему полотенцем глаза.

— Это за что же? — спросил Тимур выпрямляясь.

— За вредность. Если захочу, сейчас свалишься и нос расквасишь.

— У меня нос крепкий. И, между прочим, чутье отличное. — Тимур резко повернулся, стараясь вслепую схватить ее, но наткнулся на стену.

Лена щелкнула его по лбу и отскочила смеясь.

Протянув руки, Тимур побрел по комнате.

— Лен!

— А?

— А откуда этот мальчик знает про Андрея?

— От верблюда, — усмехнулась она.

— Понятно, — он опять наткнулся на стену, загремел стул.

— Не ломай чужую мебель, — сказала Лена.

— А он тебе пишет?

— Кто?

— Андрей.

— Конечно, — увлеченная игрой, она перебегала по террасе, ускользая из его рук и смеясь. — Ну что, заблудился?

— Ничего подобного. Вот здесь, кажется, стоит диван, там стол, там... Лен, а ты отвечаешь на его письма?

Она остановилась.

— А что, разве я не должна отвечать? — спросила она серьезно.

...Мелко моросил осенний ташкентский дождик. По узкой извилистой улочке Старого города, не вызывая у редких прохожих никакого удивления или любопытства, двигалась обычная процессия 1942 года. Первым шел усталый от забот эвакуации офицер с повязкой на рукаве, за ним семенил старик с фанерным чемоданом и огромной корзиной. Рядом с ним молодая женщина несла грудного ребенка, а другая тащила на плече чемодан. Последней, немного отстав от всех, шла старушка в пальто. Она толкала перед собой большую черную, изрядно ободранную детскую коляску.

В коляске сидела маленькая Лена.

— Пацаны, идите сюда! Смотрите, еще одного заморыша привезли! — кричал босоногий мальчишка, увидев Лену.

— Сам ты заморыш, — сказала она.

— Вы эвакуированные, да?

— Да, из Ленинграда, — ответила старушка.

— А я из Брянска, меня зовут Андрей. Идемте, я вам хорошую семью покажу...

...Все дети, побольше и поменьше, свои и эвакуированные, спали в одной общей постели на плоской крыше глиняного домика.

— Лен, Лена!

— Чего тебе?

— Смотри, луна затмевается!

Лена с тревогой закинула вверх голову.

— Обманули, обманули! — радовался Андрей.

— А на луну долго смотреть нельзя, лунатиком станешь, — сообщила Лена.

— Я лунатик, я лунатик! — завывал Андрей.

— Все вижу, все слышу! — слышался ворчливый голос, и Андрей нырнул в постель.

Бабушка обвязывала Лене голову платком и приказывала спать.

— Расскажи мне про что-нибудь... Про звездочку.

— Ладно, ладно, спи...

Бабушка начинала рассказ про звездочку, и вот они уже спали на крыше, под теплым небом, спали рядышком — заморыш из Ленинграда и лунатик из Брянска...

Это давнее воспоминание сделало лицо Лены тихим и грустным.

— Ну зачем ты о нем спрашиваешь? — сказала она.

— Просто интересно. Я знаю, о чем он пишет. — Тимур сдернул с глаз полотенце, обернулся к ней.

— О чем?

— Он очень жалеет, что уехал.

— Да. Теперь жалеет.

— Может, вернется?
— Не знаю, может быть. Он же лунатик, — она тихо усмехнулась.

Тимур помолчал, отвернулся.

— Просто ты его любишь.

— Ничего ты не понимаешь... — вздохнула Лена.

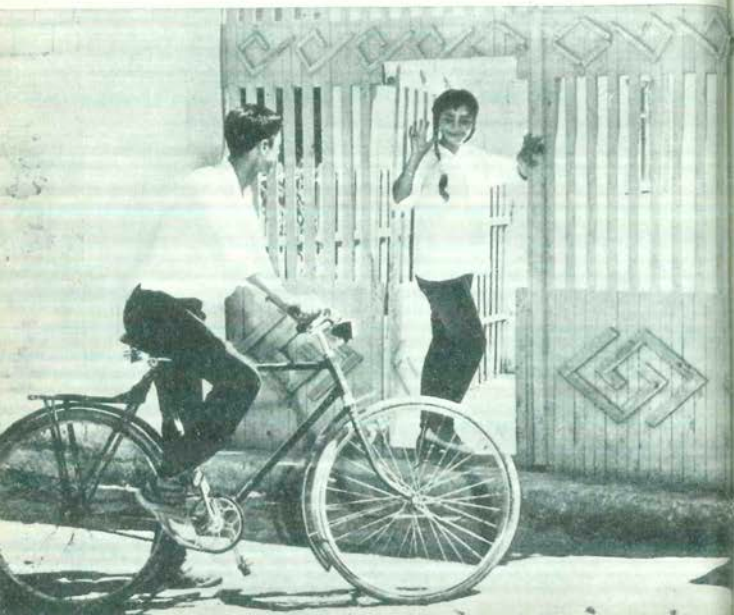
— Ну ладно, хватит об этом, — резко оборвал он.

Два велосипеда подъехали к дому. Девочка лет шестнадцати соскочила с велосипеда, кивнула парню и вошла в калитку.

Во дворе Марат осваивал рубку дров. Он тщательно установил небольшое полено, примерился топориком, размахнулся и ударил.

— Здравствуйте, — сказала девочка.

— Здравствуй.

— А вы Марат, да?

— Не скрою, это я, — дую на ушибленный палец, он поднял голову. — Подожди, подожди... Так это Мамура! Это ты?! — закричал он. — Дай, я тебя обниму, сестренка!

Мамура застенчиво улынулась и отступила.

— Ты что это, стесняешься меня, да? — удивился он.

— Нет...

— Нехорошо, — строго заметил Марат. — Я ведь твой брат... Ну пошли, я покажу тебя своим друзьям.

Тимур копался в моторе своей машины, а Мамура стояла рядом и следила за ним.

— А сколько в этом двигателе лошадиных сил? — спросила она.

— Сил? Восемьдесят, — неторопливо ответил он и выпрямился. — Кажется, все в норме.

— Вы испачкались, — засмеялась Мамура.

— Где? — он достал платок и потер щеку.

— Да нет, не здесь.

Он протянул ей платок, и она, приподнявшись на цыпочки, старательно стерла с лица масляное пятно.

— Все.

— Спасибо, — серьезно сказал он и улыбнулся ей.

— Пойдемте, вас ждут, — сказала она, отворачиваясь в сторону.

Потом они вместе чистили лук. Тимур молчал.

— Вам у нас почему-то грустно, да? — спросила Мамура.

Он поднял на нее взгляд, усмехнулся:

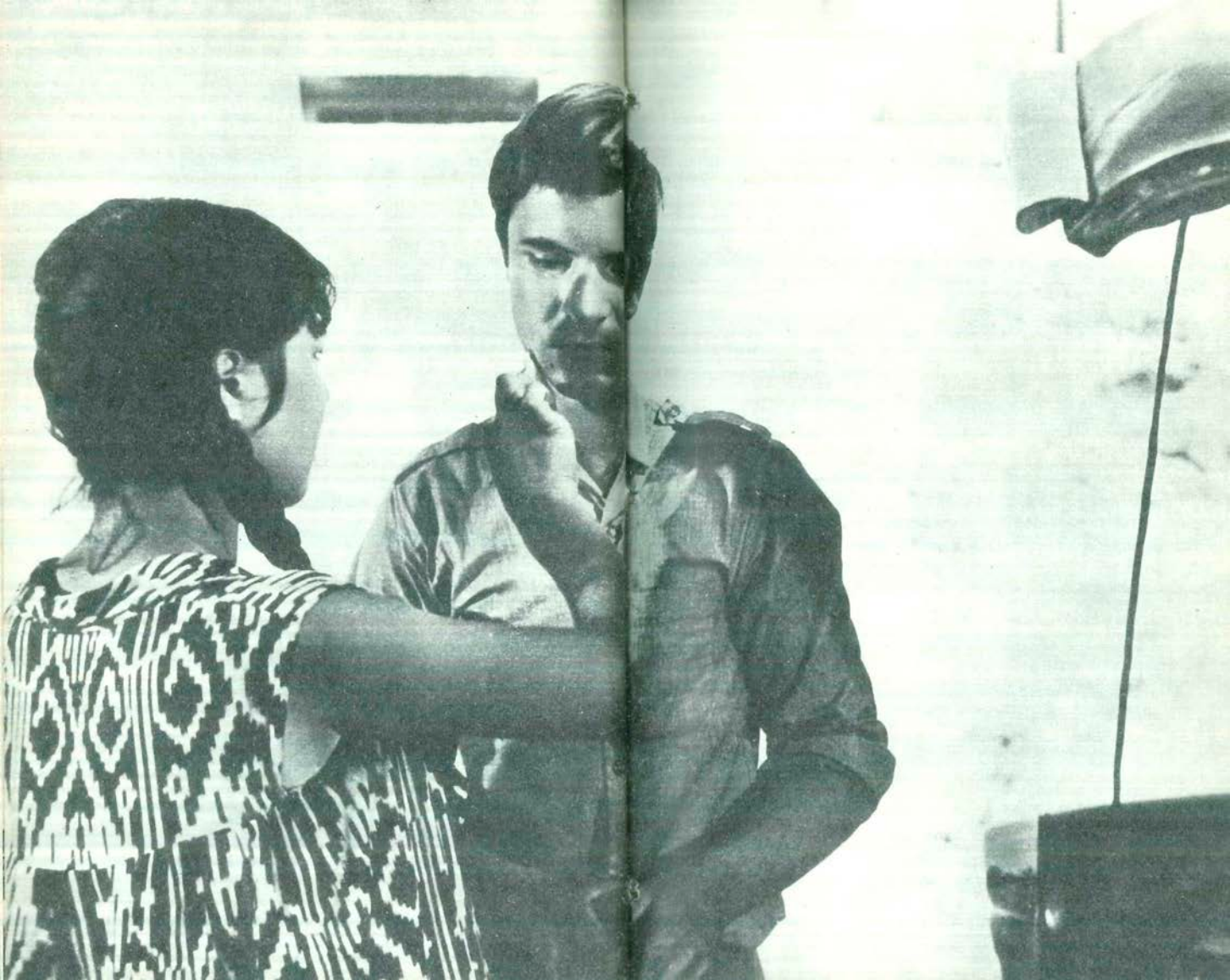
— Ну что ты. Просто очень злой лук.

Подошел Марат и спросил строго:

— Мамура, ты уроки выучила?

— Да.

— Смотри, я сам проверю. Что-то на тебя бабушка жалует-ся.

Марат уже вполне вошел во вкус, изображая воспитателя. Он погрозил ей пальцем и, забрав лук, ушел.

— Пусть проверяет, а я уйду, — с досадой сказала Мамура.

— Куда? — спросил Тимур.

— У бабушки что-то ноги разболелись, надо за травой сходить.

— За какой травой?

— За лечебной. Бабушка у нас самостоятельная, врачей не признает, только травой лечится.

— А мне можно с тобой пойти?

— Ну конечно, — радостно кивнула Мамура.

Вся компания медленно, не без опаски поднималась по крутому склону горы. Показалась согнутая фигура Марата.

— Все, — сказал он. — Больше я никуда не пойду.

— Вставай, романтик, вставай, — смеялся Тимур.

Марат поднялся и пополз вверх на четвереньках.

— Какой идиот придумал эту прогулку, — горько бормотал он. — Я не мул и не альпинист, я простой советский человек, поевший плова.

В скале зияла огромная черная дыра. Они осторожно вошли в это каменное горло горы, притихли, оглядываясь и спотыкаясь в темноте.

— Станный запах, — сказал Шухрат. — Запах камней...

— Это запах веков, запах времени, — таинственно шептала Ульфата.

— При чем здесь время, — поморщился Шухрат.

— Смотрите, там рисунки, — показала Мамура.

— А что на них?

— Человечки.

— Значит, здесь когда-то жили...

Каменный ход сужался, стало совсем темно. Темные скальные стены сдвинулись, из тьмы несло сыростью.

— Здесь что-то холодно, правда? — поежилась Ульфата. Тимур замедлил шаги и поравнялся с Леной.

— Лена.

— Да? — обернулась она.

— Мне надо тебе что-то сказать.

Она кивнула.

— Знаю. Ты хочешь сделать мне предложение.

Тимур искоса посмотрел на нее.

— Как ты догадалась?

— Очень просто, — усмехнулась она. — Я наблюдательная.

Несколько шагов он шел молча, потом спросил:

— Ну и что бы ты ответила?

Она отвела взгляд в сторону.

— Нет, — сказала она негромко.

Тимур попытался заглянуть ей в лицо, но оно было скрыто в темноте.

— Ну и прекрасно, — бросил он.

Яркий солнечный свет ударил им в лицо. Подземный ход кончился, и они очутились среди странных побелевших развалин. Прямо в степи тянулись стены, смотрели в небо башни, заросшие травой, смутно угадывались огромные ворота, земляные надолбы и валы.

— А куда это мы пришли? — удивленно спрашивала восторженная Ульфата.

— В старую крепость, — ответила Мамура.

— Ой, как красиво! — охала Ульфата. — Побежали скорей!

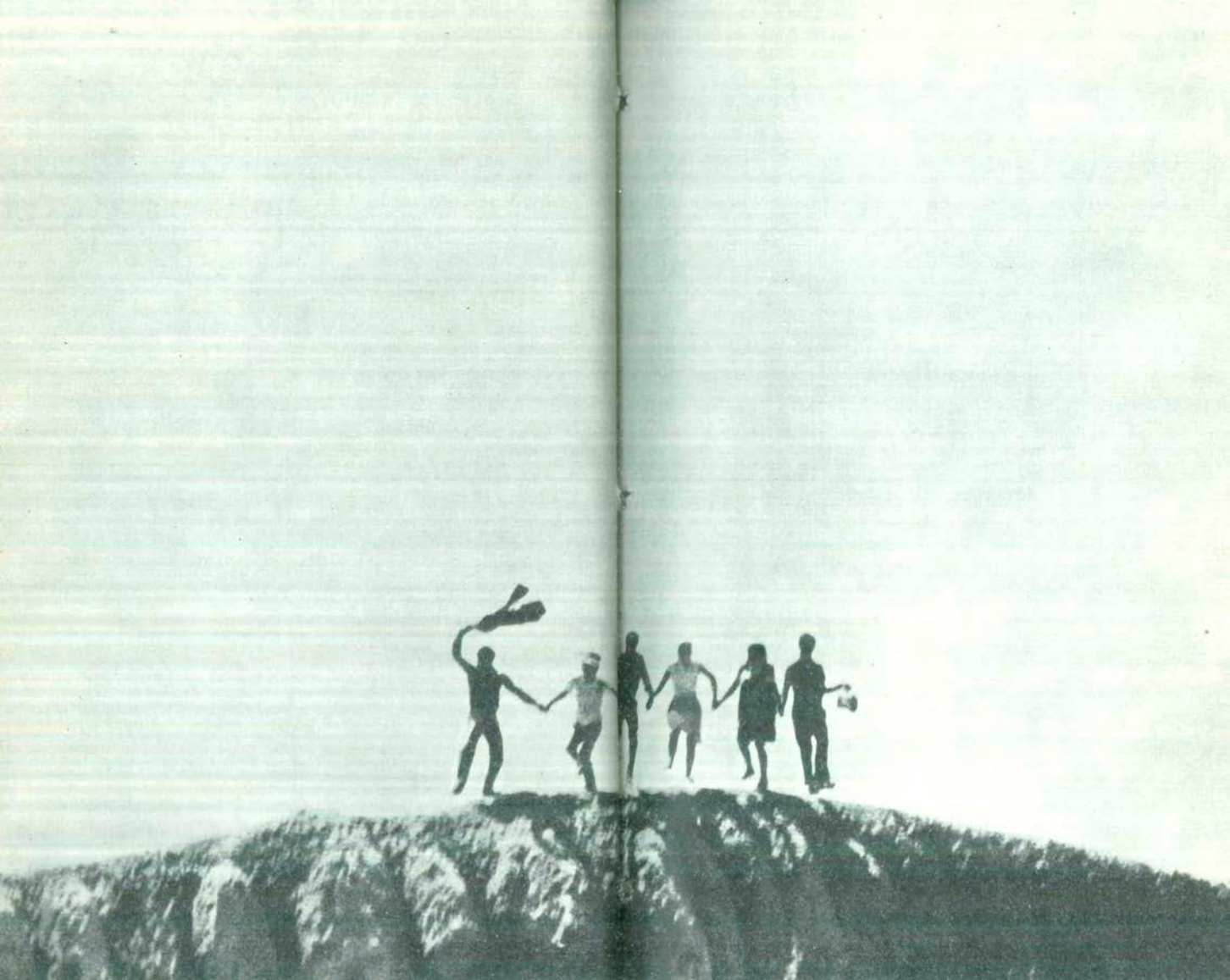
Они двинулись вдоль стены. Ульфата побежала. Тимур отстал, склонившись над каким-то растением.

— Мамура! — позвал он. — Смотри, какой я цветок! — шел.

— Ну что вы, Тимур, это же колючка.

— Не нравится?

— Нет.

— Эх ты! А я хотел тебе подарить.

— Ну тогда давайте, — протянула она руку.

— Нет. Теперь я ее оставляю себе.

— Отдайте. Вы же для меня ее сорвали, — серьезно попросила она.

Тимур протянул ей сухой колючий цветок.

— Потрогай. Больно?

— Больно.

— Возьми, — сказал Тимур. — Самый близкий человек может сделать гораздо больней, чем эта солома.

Лена стояла на верхушке крепостной стены и, как-то напряженно застыв, смотрела прямо перед собой. Лицо ее было бледно.

Подошел Шухрат.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего особенного, — отмахнулась она.

Он взял ее за руку.

— Пусти, Шухрат.

— Подожди. По-моему, у тебя сердцебиение.

— Да ерунда все это, — нетерпеливо сказала она и вырвала руку. Отвернулась, стала смотреть вниз.

Прямо перед ними виднелась скошенная, словно подрубленная башня с проломом. Стены вокруг нее были разрушены.

— Здесь, наверно, тоже когда-то была война, — сказала Лена.

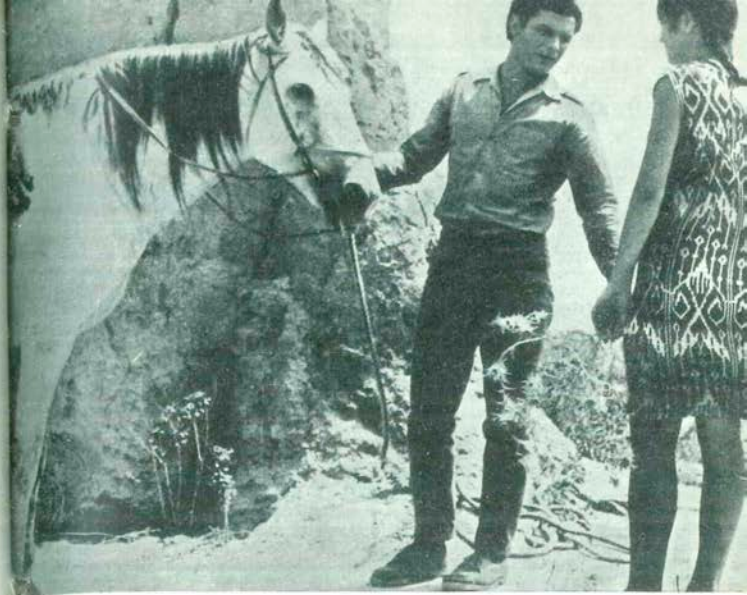
— Была, — кивнул Шухрат.

Из-за угла крепостной стены выехал всадник на смиренной белой лошадке. Это Тимур.

— Ну, как я? — спросил он молодцевато.

— Слезайте, а то упадете, — засмеялась Мамура.

— Кто? Да я с детства мечтал стать кавалеристом!

Он привстал на стременах и запел, подражая звуку трубы:

— Па-а... Ра-па-па-а...

— Это что, марш кавалеристов?

— Нет, это сбор на карнавал.

Он тронул лошадь с места и спросил:

— Ты когда-нибудь была на карнавале?

— Нет.

— Никогда? Обязательно сходи. Это очень здорово!

Играет музыка, бегают клоуны разные, горят огни...

Мамура остановилась и посмотрела на него снизу вверх.

— А когда он бывает? — спросила она.

— Осенью. Если будешь в городе, пойдем вместе, хочешь? — Тимур спрыгнул на землю. — Знаешь, там ходишь в толпе и улыбаешься. Обязательно улыбаешься, даже если тебе очень грустно...

— Лен, — спросил Шухрат. — Объясни мне, пожалуйста: что происходит у вас с Тимуром?

Она отвернулась, помолчала.

— Как тебе сказать...

— Он же тебе нравится.

— Не то слово, Шухрат.

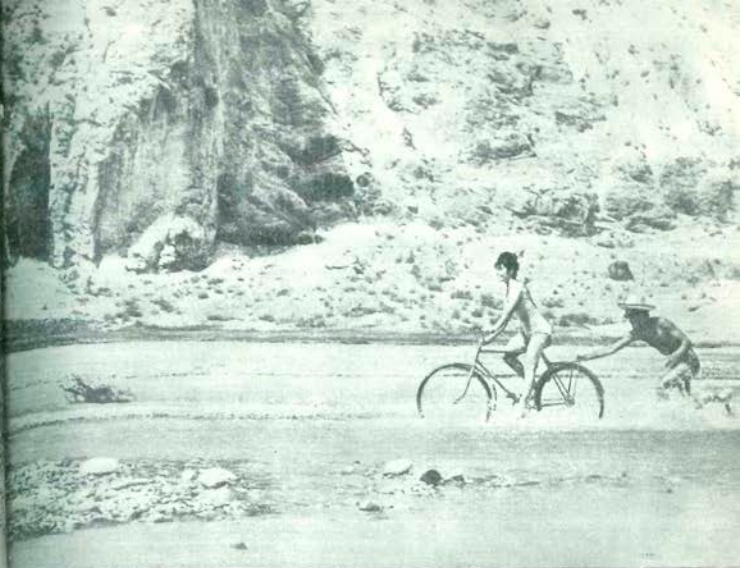
— Так зачем же ты его мучаешь?

— Не знаю, — ответила она не сразу. — Просто боюсь чего-то.

Она шла по скошенному полю и с беспокойством оглядывалась по сторонам.

— Тимур! — позвала она.

Было тихо. Пустое скошенное поле молчало.

— Тимур! Тиму-ур!..

Она побежала.

— Что? — откликнулся он.

Лена подбежала и остановилась. Она смотрела на него, и лицо ее делалось спокойным и светлым.

— Ну что тебе? — мягко повторил он.

Она все смотрела на него и улыбалась светло и странно.

— Нет, ничего, — сказала она.

И глубокая нежность была в этом взгляде и в этих словах.

У самого берега озера скользили по мелкой воде фигурки велосипедистов. Это Лена и Шухрат. На багажнике велосипеда Шухрата, свесив ноги, сидела смеющаяся Ульфата.

Неподалеку мальчишки запускали в небо змея. Они стояли, задржав головы, и следили за полетом огромной бумажной птицы.

— Знаешь, Мамура, была такая история... Двое людей очень любили друг друга и были счастливы.

Тимур пристально следил за Леной. Волосы ее растрепались, смеющееся лицо в каплях воды. Она плавно развернула велосипед и помчалась по мелкой воде песчаной отмели, поднимая белые веера брызг и по-детски радуясь этому.

— ...Но она была старше, чем он, и, когда ей сказали, что она испортит ему жизнь, будущее, все на свете, она вдруг поверила этому и решила расстаться с ним, — продолжал Тимур. — Он пришел в полное отчаяние, умолял ее, плакал как ребенок, но ей удалось уговорить его. Она пообещала писать ему... Первое письмо пришло на другой день. В нем она писала о своей невероятной тоске, сообщала, что уезжает, и утешала его как могла. Ровно через год пришло второе письмо. Оно тоже было грустным и тоскливым, но не таким, как первое. Что-то стало забываться, померкло в памяти. — В конце письма она сообщала, что в первый раз за все это время улыбнулась солнечному лучу, мелькнувшему на аллее. Следующее письмо пришло через пять лет... Она писала, что не грустит, часто смеется и один раз даже танцевала. Она писала, что у нее появилось особенное чувство к нему: нежность, светлая нежность... И еще через пять лет пришло письмо... «Проходят годы, писала она, наверно, у тебя уже есть дом и семья, которым ты дорог, а я постарела. Если бы мы сейчас встали рядом, нас бы могли принять за мать и сына. Мы были правы, когда расстались». Он читал эти письма, и они помогали ему, ведь в первое время он не хотел жить, мучился, искал ее повсюду, и только эти редкие листки его спасли и успокоили. Одного он не мог понять, куда она уехала, где сумела скрыться от него. И вот через двадцать лет после дня расставания пришло последнее письмо...

Большая бумажная птица неподвижно парила в воздухе. Кричали мальчишки, смеялась Лена, дробилось закатное солнце в мелких волнах речного разлива.

Тимур продолжал:

— Она писала: «Прошло двадцать лет, как я умерла. Ты меня уже почти забыл и простишь мне, что я покончила с собой на другой день после того, как мы расстались. Я не могла и не знала, как жить без тебя. Двадцать лет по моему поручению посылались тебе письма, и в этих письмах я пережила себя только для того, чтобы расстаться с тобой ласково, осторожно... и очень нежно».

Тимур смолк.

— Это правда? — тихо спросила Мамура.

— Нет, это рассказ Барбюса. Называется «Нежность».

— А почему... вы его вспомнили?

— Просто так. Не знаю, — ответил Тимур.

Помолчал, потом добавил:

— Наверно, потому, что не все умеют так любить.

III. МАМУРА

— ...И в нем одно неизвестное выражается через другое, а затем это значение подставляется во второе уравнение...

Мамура сидела на последней парте у окна. Тетрадь перед ней была чиста. Мамура смотрела в окно.

По классу из рук в руки тайком переходила записка.

— Мамуре передайте, — разнесся свистящий шелот.

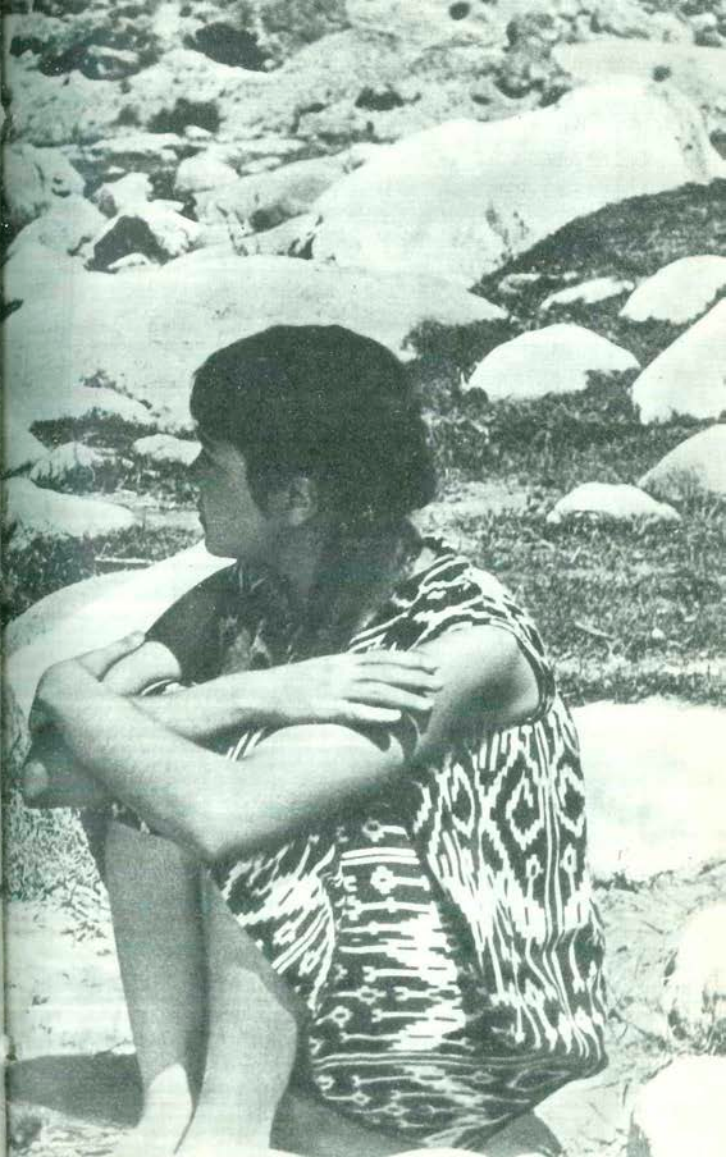
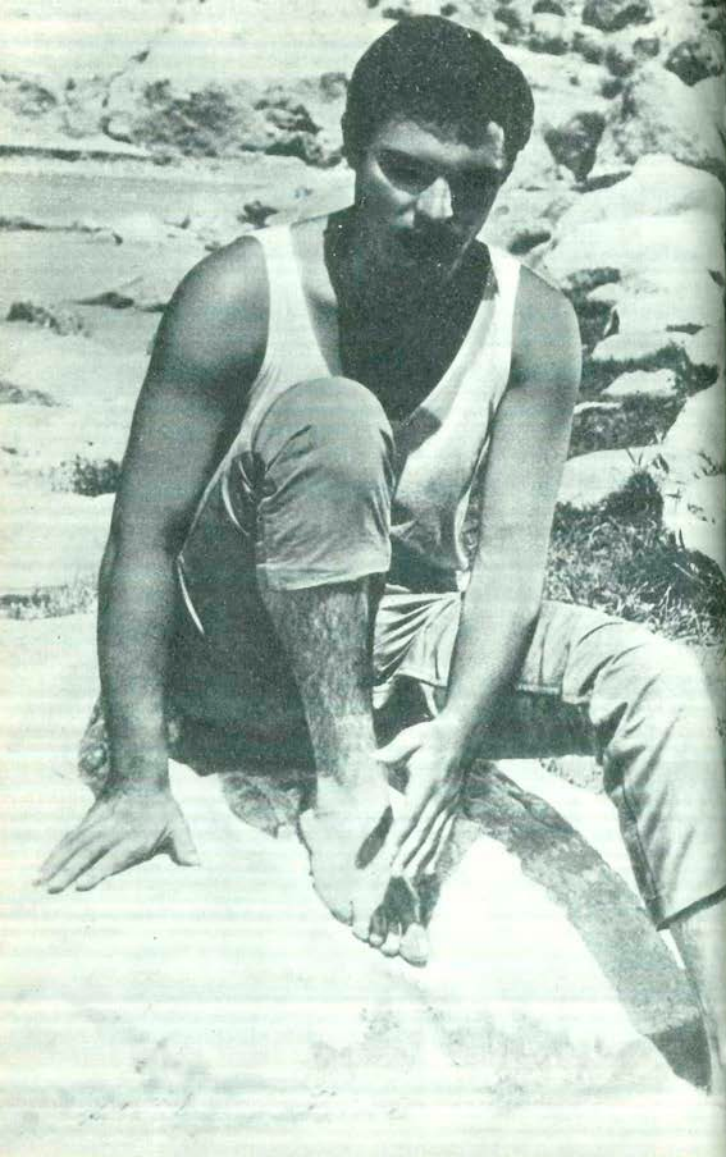
Мамура развернула записку: «О чем ты думаешь?»

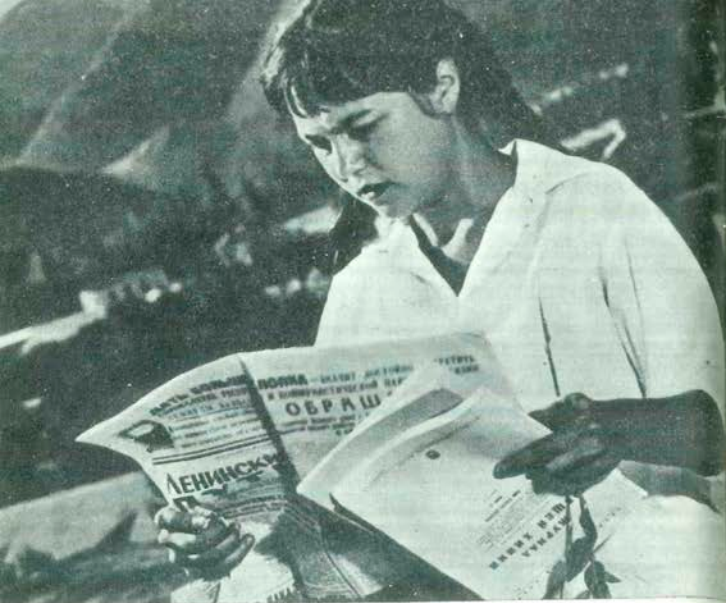
— ...Берем первое уравнение, выражаем игрек через икс, — продолжала ученица у доски.

Что-то черкнув, Мамура протянула записку соседке.

— Передай обратно.

Записка тем же путем вернулась к долговязому парню, пославшему свой вопрос. Он развернул бумажку. На ней сердце, пронзенное стрелой, и крупные буквы: «О тебе!!!»

Парень удивленно хмыкнул.

— Узаков, вы чему смеетесь? — спросила учительница. — А ну-ка, идите к доске.

Узаков неохотно встал и медленно пошел по проходу.

— Садитесь, Махмудова, хорошо, — кивнула учительница девочке у доски. — Быстрее, быстрее, Узаков. Над чем вы там смеялись? А ну-ка, решите уравнение.

Узаков без всякого интереса посмотрел на доску, взял мел и стал вертеть его в руках.

В классе засмеялись.

— Ну что же мне с вами делать? — покачала головой учительница. — Вот по пеню, я слышала, у вас пятерка...

В классе снова засмеялись, а Мамура по-прежнему смотрела в окно и ничего не слышала.

— Здравствуйте. Нам есть что-нибудь?

— Вот, пожалуйста. — Почтальон протянул Мамуре свежую газету.

— Мамура, поехали кататься! — слышались голоса, и Мамура уже махнула друзьям рукой и собиралась побежать к ним, как вдруг что-то остановило ее. Это была заметка на последней странице развернувшейся газеты.

«Все на карнавал! Завтра в Центральном парке традиционный молодежный карнавал».

Нетерпеливо тренькали велосипедные звонки:

— Поехали, Мамура!

— Мы тебя ждем.

Она не ответила и не пошла к ним. Ребята медленно отъехали, и только парень, пославший ей в классе записку, остался на месте, а потом медленно поехал на своем велосипеде за ней.

И вот она уже сидела в автобусе, который быстро катил по шоссе в город. Дорога эта долгая. И праздничное лицо Мамуры то улыбалось, то становилось нетерпеливым, тревожным, то опять светлело в предчувствии радости.

Она прошла под аркой ворот городского парка. Парк преображался. Разноцветные гирлянды сплошным шатром висели над аллеями, готовы были вспыхнуть цветные фонари, засверкать фейерверки, закружиться сказочные карусели, заплесать огромные хохочущие маски, запеть горны.

Зачарованная, она шла по парку, где заканчивались последние приготовления, и смотрела, смотрела.

Когда кончился рабочий день, из дверей большого стеклянного здания вдруг сразу вышло столько людей, что Мамура оробела и отступила назад, за колонну, на которой висела вывеска «Конструкторское бюро».

Люди все шли и шли мимо нее, и она попросту испугалась, что не заметит его, а он пройдет мимо, не узнав.

Но она заметила его. Он шел один, не торопился, и лицо у него было замкнутое, невеселое. Мамура шагнула ему навстречу и робко сказала:

— Здравствуйте, Тимур.

Какое-то мгновение он смотрел не узнавая. Но вот его лицо посветлело.

— Мамура? Здравствуй!

Он протянул ей руку, улыбнулся.

— Повзрослела... Как ты живешь?

— Хорошо, — сказала она. — Я в музей приехала. По пути вот к вам зашла.

Они медленно шли по улице, освещенной закатным солнцем, и молчали.

— Дома все здоровы? — рассеянно спросил Тимур.

— Да, все в порядке. Бабушка вам привет передает.

— Спасибо.

Он замолчал.

— А я уже давно в городе не была. Здесь так много новых зданий появилось. А у нас в поселке тоже новый кинотеатр построили. Бабушка уже беспокоится...

Мамура сообщила все это оживленно, с увлечением, не замечая, что Тимур молчит и не слушает ее.

Навстречу показалась группа девушек и юношей в ярких, пестрых костюмах. Они шли и пели. Это была какая-то знакомая веселая песня. И тут же ударил в небе веселый гром, и над верхушками деревьев сверкнули высокие ракеты.

Мамура остановилась.

— Карнавал начинается! — сказала она.

Парни и девушки в пестрых платьях с пением и смехом прошли мимо них.

— Пойдемте с ними! — воскликнула Мамура.

Он молчал.

— Ну пойдете, — растерянно повторила она.

— Что? Я не могу, — проговорил Тимур.

Она заглянула сбоку ему в лицо.

— Вы устали, да?

Он повернулся к ней, остановился.

— Извини меня, Мамура...

Снова смолк.

— Да! — спохватилась Мамура. — Я совсем забыла, я же вам платок привезла. Вы его у нас оставили, а бабушка говорит, что он женский. На нем какие-то слоники, — она достала из сумочки платок, протянула Тимуру.

Он машинально взял его, взглянул, и вдруг лицо его дрогнуло.

Тревожное предчувствие кольнуло Мамуру. Она увидела, как он сжал в руке платок и опустил голову.

— Что с вами? Что-то случилось? — испуганно спросила Мамура.

Он ответил не сразу. Помолчал, потом поднял лицо.

— Да.

Медленно и почти спокойно он произнес:

— Все было очень просто. Был ветер, и на какого-то мальчишку упал электрический провод. Лена схватила этот провод руками и держала до тех пор, пока не подбежали люди. Она бы выжила, если бы не сердце. У нее было больное сердце, еще с детства, с войны, после ленинградской блокады. Даже я об этом не знал. Она не любила, чтобы ее жалели.

...Лену везли на белом столе по длинному белому коридору. Смертельно бледное лицо металось над подушкой. Она задыхалась.

— Нет-нет... нет, не хочу, не хочу... Нет, не хочу, не хочу... Не хочу! Нет-нет... нет. Не хочу! Не хочу! Не хочу!

...Потом лицо ее стало спокойным и тихим, глаза были закрыты. Она шептала:

— Я хочу, чтобы было завтра... Чтобы был ты. Я хочу чтобы все было, как ты говорил, Тимур...

...Потом она снова задышалась, металась, запрокидывала голову, плакала.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет... не надо! Не надо! Не надо, не надо, я не хочу, я не хочу, я не хочу, не хочу, не хочу, не хочу... Не надо. Не надо.

...И снова спокойно и тихо смотрела перед собой, и лицо ее было нежно, странно.

Прикрыв глаза, она прошептала:

— Хочу, чтобы было завтра.

Над затихающими ночными улицами города пронеслась вдруг тихая, быстрая и какая-то тревожная в своей радости мелодия.

Закачалась яркая хохочущая маска, зашумели голоса, зазвенел смех.

Это шла молодежь с закончившегося карнавала.

Толпа заполнила всю улицу. Маленький оркестр играл на ходу, и веселые люди шли медленно, свободно.

Среди них был Санджар, тот самый Санджар из Старого города, который катал Лену на автомобильной камере и разочаровался в любви.

Санджар был весел. Он шел и пританцовывал вместе со всеми. Он улыбался в танце.

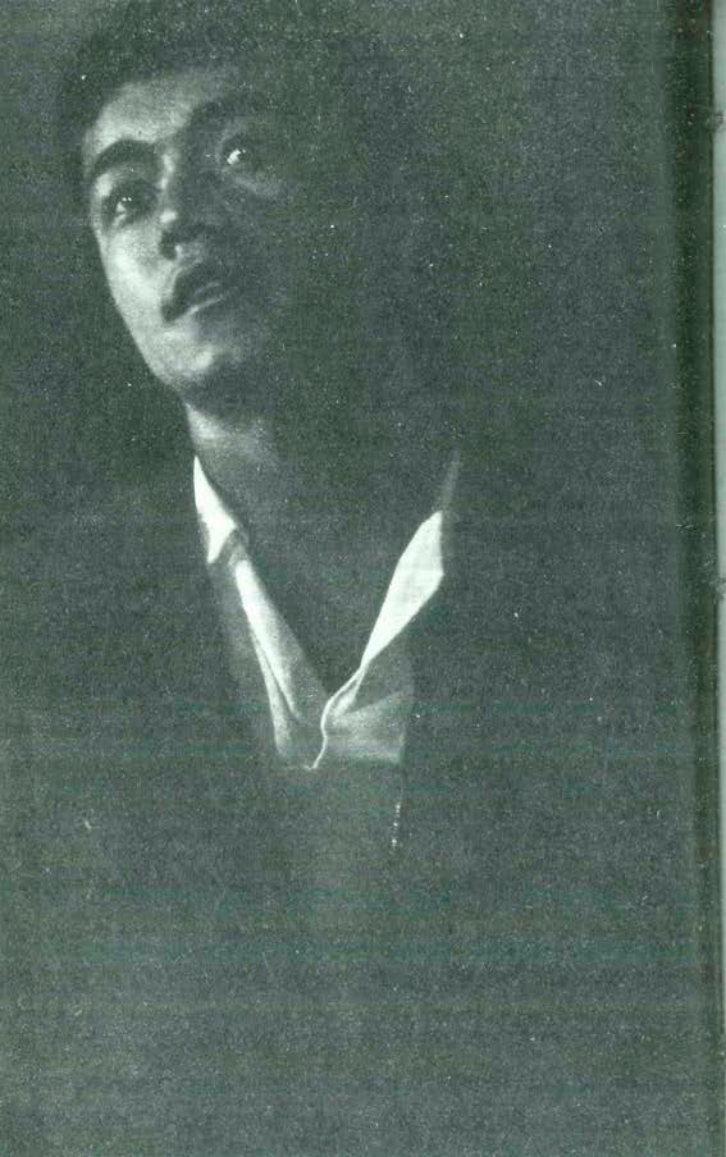
А Мамура плакала. Она машинально шагала среди масок и костюмов, и лицо ее было залито слезами.

К ней подлетел какой-то парень, почти мальчик, в шутовском наряде:

— Девушка, вам грустно? Ну что вы, это же карнавал. Улыбнитесь!.. Посмотрите, кругом огни, музыка, клоуны бегают! Здесь нельзя грустить.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

Маленький оркестр все наигрывал на ходу свою быструю и тревожную мелодию и вел по улице веселых людей.

Санджар увидел лицо Мамуры в толпе и шагнул к ней навстречу. Она тоже увидела его.

— Девушка, — сказал он. — Не надо плакать.

Он сказал это очень убедительно. И она улыбнулась сквозь слезы.

На земле была ночь.

Очень медленно и беззвучно взлетела ракета. Она повисла в померкшем небе над городом и застыла, так и не погаснув.

Это был салют в честь всех влюбленных и нежных, которые живут на нашей земле.

ЭХ, САНЯ, САНЯ

Лето, вечер, Ташкент. За Анхором, в районе Иски-Джувы назревает темное дело.

По тихим извилистым улочкам встревоженной стаей мечутся шестеро парней. Они идут по следу.

— Если в бильярдной нет, надо на Анхор сходить.

— Бесполезно, ту пивнушку давно снесли. У него теперь другие точки.

— Родин все равно найдет.

— А ты что, Саню не знаешь? Он же один никогда не ходит, всегда с друзьями.

— В этом все дело. Надо успеть.

Худой темноволосый грек Тасос, возглавляющий компанию, подбегает к парочке, стоящей на углу.

— Привет, Нариман. Родина не видел?

— Нет.

— А Саню?

— Они с Ковбоем вроде на танцы собирались. А в чем дело?

— После узнаешь, — уже на бегу отмахивается Тасос.

Парк имени Пушкина. Свет и музыка танцплощадки.

Саня и его друг по прозвищу Ковбой ухаживают за девушками.

— Девочки, вас пока еще культурно приглашают: пойдете спляшем.

— Мы не хотим.

— А мы хотим.

Саня ловит девушку за локоть, но тут невысокий крепкий парень в куртке трогает его за плечо.

— Выйдем, Саня. Поговорить надо.

— Что? — удивился Саня. — Не мешай, старик.

Парень придержал его:

— Выйдем, тебе говорят.

— Интересно. — Саня усмехнулся. — Прямо кино.

— Что за шум, о чем разговор, кто тут базарит? — Ковбой и еще трое плотно окружают парня.

— Ну что, будем выходить или тут поговорим? — добродушно спрашивает Саня.

Парень в куртке оглядывает всех четверых.

— Выйдем.

— Ну как хочешь.

Они выходят на полутемную аллею, останавливаются.

— Ну. Я слушаю.

— Это ты к Тане приставал?

Саня ухмыляется:

— Когда?

— Вчера. Что, забыл?

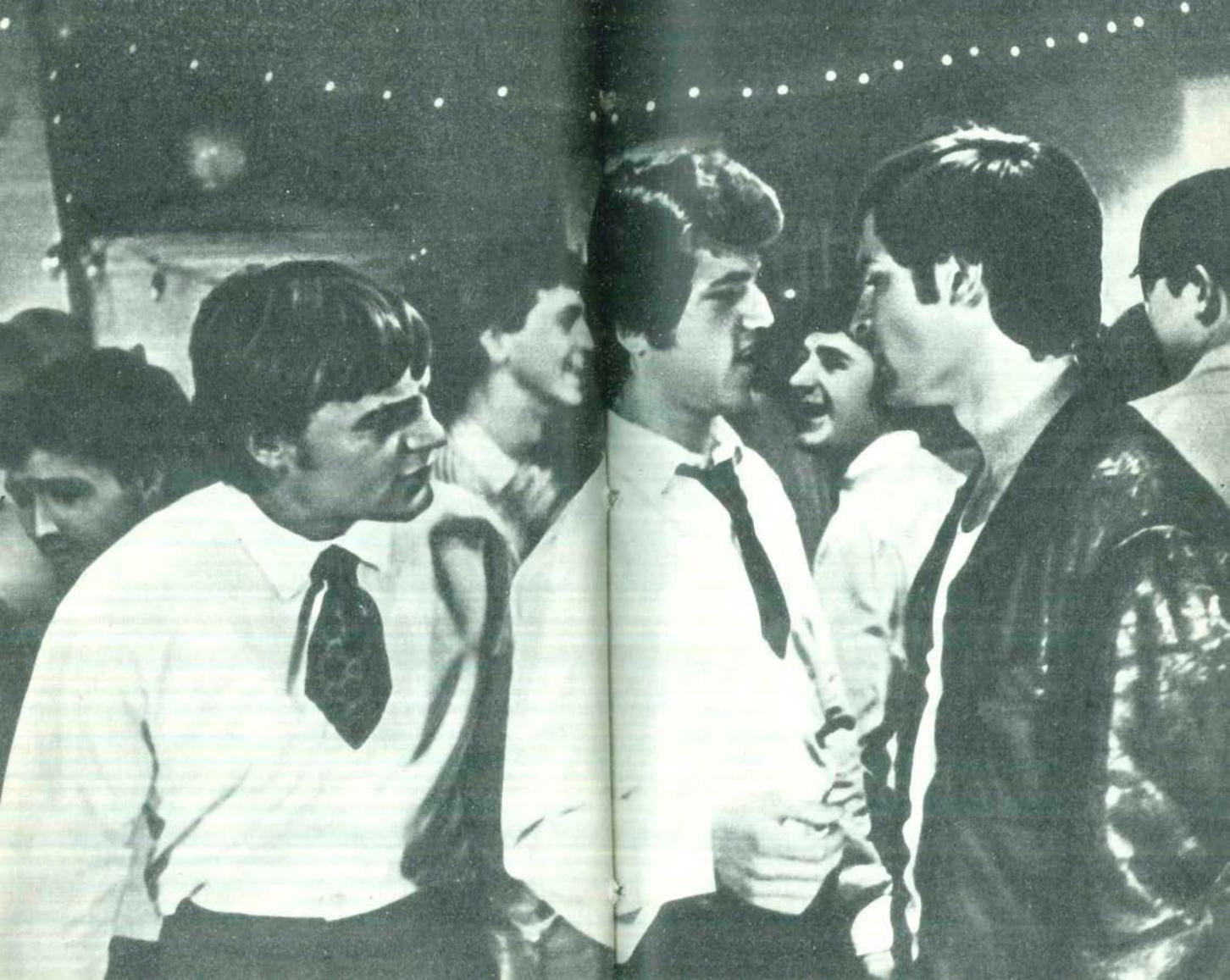
Саня ухмыляется.

— К какой Тане?

— Не ломай ваньку! — Парень бешено хватается Саню за ворот. — Тебя же Рустам предупреждал: не лезь к ней. А ты хамить начал!! — Он затряс Саню.

— Бей его! — провозгласил Ковбой и замахнулся.

В этот момент с боковой дорожки на аллею выскочила компания Тасоса:

— Вот они!

Компания налетела как ветер.

— Тормозни, Ковбой! На Родина потянули?! А ну назад!

Приятели Сани попятились.

— Зови Гамлета. Срочно, — шепнул Ковбой одному из парней.

— Родин, — сказал Саня, уяснивший ситуацию. — Ты меня знаешь, и я тебя знаю. Давай поговорим культурно, тихо, как в Токио.

Тасос надвигался на Ковбоя.

— Ты что, Родина трогать?! Да я же из тебя скелет для музея сделаю.

Ковбой отступал и затягивал время:

— Убери руки, юноша! На кого тянешь? Сейчас Гамлет придет, плакать будешь!

Остальные тоже беседовали.

— Тебе уже один раз доставалось. Опять хочешь?

— Что ты сказал? Не смеши меня, брось этих шуток.

— Да я тебе...

— Да ты...

— Да мы вас...

— В чем дело? — раздается вдруг зловещий клич, и на аллее возникает длинная тень.

— Гамлет! — проносится в толпе.

— Это кто тут духарится? — железным голосом спрашивает Гамлет. — А?

Он внимательно оглядывает всех. Компания Родина смыкается теснее. Долгая пауза. С танцплощадки доносится музыка.

— Нда, — произносит наконец Гамлет. — Вообще я не пойму: а чего ты сам базаришь? Не видишь разве, что их больше? Эх, Саня, Саня. Шел бы ты отсюда. Мерзавец.

После этого Гамлет поворачивается к Родину:

— Здорово, старик. Как дела?

Оркестрант-ударник объявляет в микрофон:

— Белый танец. Приглашают только дамы.

Начался танец. Две девушки, те самые, что отклоняли приглашение Сани и Ковбоя, подходят к Тасосу и Эдику, только что вошедшим в круг.

— Можно вас пригласить?

— Пожалуйста.

Танцуют.

— Хорошо, что вы прогнали этих хулиганов, — говорит первая девушка Эдику.

— Ерунда, — небрежно отвечает он. — У нас с ними старые счеты.

— Как вас зовут? — спрашивает Тасос у второй девушки.

— Людмила. А вас?

— Тасос.

— Вы грек, да?

— А как вы догадались?

— Я о вас слышала.

— Да? Очень приятно.

Победители имеют успех.

СВЕТ В ОКОШКЕ

Почувствовав на себе взгляд, Таня поднимает голову от книги, оборачивается. За распахнутым окном — Родин.

— Здорово.

— Здравствуй.

Она подходит к окну.

— Я думала, ты уже не придешь.

— На танцах был. Задержался.

— Значит, развлекаешься?

— Ага.

— А я скоро уеду.

— Куда?

— Далеко. На практику, в экспедицию.

— Надолго?

— На все лето. — Она присаживается на подоконник. — Плакать будешь?

— Кто, я? Нет, не буду.

— Почему?

— Не то воспитание.

— Жаль.

Родин, склонив голову набок и прищурившись, внимательно, с посторонним интересом рассматривает ее лицо.

— Таня!

— Да.

— Надень, пожалуйста, очки.

— Зачем?

— Ну надень.

Таня надевает очки.

— Интересно?

— Ничего. Иди, что-то скажу.

Она наклоняется. Родин целует ее.

— Несерьезный ты человек, — вырвавшись, говорит Таня. — Отвлекаешь меня от дела.

— Тогда, может, я пойду?

— Иди.

— Учти, я гордый, действительно уйду.

— Ну иди, иди.

Родин не уходит. Замечает на подоконнике старинную ветхую книжицу. Берет ее.

— Ну и старье. Где ты ее откопала?

— Осторожней. Такую не откопашь, это подарок.

— Чей?

— Одного человека. Ты его не знаешь.

— А кто это?

— Заинтересовался. Ну есть такой товарищ. Умный, талантливый, высокий. В полтора раза выше тебя.

— Он что, баскетболист?

— Нет. Аспирант.

— Понятно, — кивает Родин. — Высшее образование — залог успеха у женщин. А аспирантура — тем более.

— Трепач.

— Ну-ну, дальше.

Таня смотрит на часы.

— Мне заниматься надо. Завтра зачет.

— Подожди.

Родин притягивает ее к себе. Поцелуй.

— Пусти. Ну пусти, сейчас папа придет.

Родин отпускает ее, отстраняется.

— Испугался?

— Нет. Просто не хочется ему настроение портить.

Молчание. На улице тихо. Далекий трамвай рассыпает дугой искры. Отворяются на ночь окна.

Родин пристально смотрит на Танино лицо.

— Ты устала. У тебя круги под глазами.

— Это потому, что по ночам сижу. И от жары.

— Хочешь, завтра на Чирчик съездим?

— А ты сможешь?

— Конечно. У меня же отгул. А если ты поедешь, я вообще все дела брошу.

Танцы уже кончились, город пустеет.

— ...И тут он не выдержит, схватит надзирателя за волосы и окунет его голову в котел с шурпой! — рассказывает Рустам.

— Иди ты! — удивляется Боходыр.

— Точно. Утопит его в горячем супе, и с этого начнется Спартаковское восстание.

— А в книге не так. Ты читал?

— Да что книга! Ты картину посмотри. Законная кинуха.

— Да, надо посмотреть.

Они стоят на углу тихой площади перед Зеленым базаром, облокотившись на металлический барьер уличного ограждения.

Из темноты, насвистывая, появляется Эдик, имевший успех на танцах.

Рустам. Ну как дела?

Эдик. Все в порядке, проводил до дому, договорился о randevu.

Рустам. Наверно, уже целовались?

Эдик (солидно). Что за нескромные вопросы, старик. О таких вещах не рассказывают. Настоящий мужчина никогда себе не позволит говорить о женщине, за которой ухаживает.

Рустам. Кончай треп, мужчина. Любишь ты лапшу на уши вешать.

Подходит Родин.

— Ну как, все тихо? Саня не появлялся?

Рустам. Вроде нет.

Эдик. Да он спекся. Теперь не скоро появится.

Родин. Дайте пару сигарет. Забыл купить.

Рустам и Эдик с готовностью протягивают ему сигареты.

Рустам. Возьми всю пачку. У меня дома есть.

Родин. Спасибо. Ладно, пока, братцы.

— Пока. До завтра.

Родин уходит.

Б о х о д ы р. А Тасос где? Тоже провожает?

Э д и к. А как же? Я сам видел, они вместе ушли... Ну хоп, старики, я тоже пошел, мне завтра в первую смену. Пока.

— Салют.

Уже совсем опустела улица, только иногда, мягко шурша, проносятся полные света троллейбусы.

Р у с т а м (задумчиво). Все люди как люди: с женщинами гуляют. Только мы с тобой одинокие. А жизнь проходит.

Б о х о д ы р. Да ну, ерунда.

С другой стороны площади доносится протяжный зов:

— Боходы-ыр!

Р у с т а м (взглянув на время). По твоему отцу часы проверять можно.

Б о х о д ы р. А-а, надоело... Отдохнуть по-человечески не даст.

— Сыно-ок! Пора домой! — слышится голос отца.

— Иду, папа, иду! — отзывается Боходыр, но не торопится.

Р у с т а м. А вот мне законно! Матери сейчас дома нет, прихожу, когда хочу.

Б о х о д ы р. А где она?

Р у с т а м. Да опять в больнице. Ну иди, а то разговор будет.

Они пожимают руки и расходятся.

Рустам не спеша, насвистывая, идет по улице, поддевает ногой камешек. Потом сворачивает в пустынный тупичок, заросший сухой летней травой. Здесь стоят маленькие, старомодные дома; окна в них давно темны, только одно открыто и озарено слабым розовым светом ночника. Из окна доносится тоже слабый, шипящий звук пластинки.

Рустам останавливается, прислоняется к стене, слушает и вдруг начинает жалобно мяукать. Он хорошо подражает, плачущие кошачьи звуки летят к окну.

В полутьме окна появляется полная молодая женщина в ночной сорочке, с распущенными волосами. Уютом и томле-

нием веет от ее русалочьей фигуры. Она вглядывается в темноту и, не видя Рустама, ласково зовет:

— Кс, кс, кс, кс...

Рустам улыбается в темноте и мяукает еще жалобней.

— Кисанька, кисанька, — зовет женщина. — Иди ко мне...

В комнате слышится недовольное ворчание, женщина исчезает, в окно высовывается кто-то раздраженный, уса-тый.

— Брысь! Брысь отсюда! — шипит он. — Пошла вон! Брысь!

«ЛУЧШЕМУ ВРАТАРЮ»

Утро. Комната на двоих в общежитии. Косой луч солнца на стене. В нем от легкого ветерка плавают белые занавески. Над книжной полкой три выцветшие фотографии. Одна из них групповая. На ней — партизанский отряд: подростки, пожилые бородачи, несколько женщин. Чуть в стороне от всех — мужчина и женщина. Он — невысокий, крепкий узбек со смуглым живым лицом, она — без шапки, с длинной косой, уложенной по-довоенному на голове, русская. Это отец и мать Родина. В двух других рамках — их отдельные портреты, переснятые с общего снимка.

На тумбочке стоит бронзовый дискобол с крупной надписью на подставке:

«Лучшему вратарю детдома № 193 Иногамову Родину».

Над спинкой кровати горит лампочка, которую забыли погасить, на стуле — раскрытая книга, на ней — два яблока и сигарета.

Родин спит.

За столом у окна дремлет над раскрытым учебником Тасос.

Резкие, требовательные звонки.

Родин неохотно поднимает заспанное лицо, берет трубку.

— Слушаю. Да, я. Что? Так. Понял. Через десять минут буду готов.

Он вскакивает с постели.

Т а с о с. Вызов?

Р о д и н. Ага. Помоги собраться.

Т а с о с. Может, я завтрак по-быстрому организую?

Р о д и н. Не успею. Сейчас машина придет.

Он бежит умываться. Тасос привычно быстро собирает дорожные вещи Родина в большую потертую сумку.

Т а с о с. Мавлянов звонил?

Р о д и н (выходя из душевой). Да. Судя по всему, дело серьезное.

Т а с о с. Ты там без заскоков. Зря не рискуй.

Р о д и н. Ерунда. Все будет нормально, не в первый раз.

Он уже одет. Сумка собрана.

— Ну пока, старик.

— Счастливо.

Они пожимают друг другу руки. Родин поворачивается, чтобы уйти.

— Родин,— окликает Тасос.

— Что?

— Давай присядем.

Они присаживаются. Пауза.

Под окном призывно засигналил автомобиль.

Над степью плывет вертолет.

В кабине тесно. В креслах пассажиров сидят крепкие плечистые люди в брезентовых куртках, войлочных шляпах, в толстых плотных башмаках. Спокойные, сосредоточенные лица. Среди них Родин.

На полу кабины свалены затертые, выдавшие виды сумки, рюкзаки, тюки, одежда, каски с побитой и обгоревшей краской, связки канатов и тросов.

На переднем сиденье — пожилой мужчина в военной фуражке, с офицерской плащ-палаткой на коленях. Это начальник пожарного управления. В руках у него микрофон.

Голос из динамика. ...Хлопок был очень сильный, сорвало патрубок, вышку завалило.

Н а ч а л ь н и к у п р а в л е н и я. Что с буровиками?

Голос из динамика. Трое раненых, Виктор Алексеевич... Утром отправили их в Ташкент.

Сидящие в кабине молча слушают негромкий голос, долетающий издалека.

Голос из динамика. Фонтан серьезный. Я прикинул давление. Полторы сотни атмосфер, не меньше... Работы будет много.

Н а ч а л ь н и к у п р а в л е н и я. Со мной Мавлянов и его люди.

Голос из динамика. Здравствуйте, Тахир Мавлянович! Вас тут все ждут.

Приземистый широкий старик с задубленным суровым лицом, сидящий рядом с начальником управления, берет микрофон.

М а в л я н о в. Здравствуй. Какой там грунт?

Голос из динамика. Обыкновенный. Лёсс, известняк. Тахир Мавлянович! Тут газовики спрашивают: у вас газовая гармошка с собой?

М а в л я н о в (сердито). Какая еще гармошка?

В кабине засмеялись.

Голос из динамика. Да вы не сердитесь. Про нее давно все знают. Если она у вас с собой, все будет в порядке. Верная примета.

М а в л я н о в. Я в приметы не верю. Вода есть?

Голос из динамика. Вода есть, пожарники готовы. Газовики пытались вышку вытащить, не получилось.

М а в л я н о в. Зря людьми рискуешь, Дергачев. Сами вытащим.

Широкая, ревушая на одной пронзительной ноте, окутанная густым, липким дымом струя пламени возносится над степью. Тугой жар бьет в лица людей, под ногами сотря-

сается земля. От невидимого устья скважины уходят вверх и в стороны огненные смерчи.

Горит газовый фонтан.

Белая, почти незаметная точка ракеты взвилась в небо. Заработали пожарные установки. Вспыхнули прожекторы, прорезая сумеречную дымную темноту.

Мавлянов оглядел своих людей. Они стояли уже в спецодежде, докуривая сигареты.

Мавлянов надвинул каску на брови и махнул рукой. Шесть человек двинулись к стене дыма и сразу словно растворились в ней. Прожекторы отыскивали их, струи водометов скрестились над их головами.

Родин тащил тяжелый крученный трос с узлом на конце. Нестерпимый рев бил в прикрытые войлоком и железом каски уши, тягучий липкий жар нарастал с каждым шагом.

Мавлянов тронул Родина за плечо, указывая рукой: правой. Слабеющий в густом, вязком дыму луч прожектора прошел по ним, остановился, пошел вправо, помогая найти поваленную вышку.

Под ногами попадались лужи горячей нефти, выброшенной при взрыве. Стал раскаляться трос.

Мавлянов поднял руку. Родин двинулся к нему и наткнулся на искореженную трубчатую грань вышки. Вдвоем они стали крепить трос. Он раскалился от близости огня.

Родин выронил его, тут же подхватил, прокричал беззвучно: «Вода!» Но вода здесь была бесполезна. Она превращалась в горячий туман и не могла охладить железо.

Два других троса уже были заведены к кускам смятого, раскаленного железа — остаткам бурового оборудования.

Родин кинулся к товарищу, у которого затлели на руках рукавицы.

Наконец они выскочили из огненного круга, раскрыв рты, жадно хватая воздух, срывая каски, и замахали руками трактористам. Тракторы беззвучно дернулись и поползли, потянули тросы. Все ждали. Вот уже показался угол вышки, все ее тело стало выплывать из серо-черных клубов, и все смотрели уже спокойно, кто-то отвернулся, отходил подальше — подышать, потому что было ясно, что трос выдержал и эта часть работы сделана. Высокий парень, которому помог Родин, уже подошел к нему, улыбнулся белозубой улыбкой отчаянного, веселого, крепкого человека, хлопнул Родина по плечу, благодаря за товарищество. И тут Родин увидел, что трос ослаб, спал, угол вышки застыл, перестал двигаться, потому что плохо закрепленный узел соскользнул и ползет по переплетениям фермы. Родин увидел, что тракторист остановил тягач и машет им рукой. Родин побежал вперед, чтобы закрепить трос, заторопился, споткнулся о железную балку, невидимую в дыму, и со всего размаху упал всем телом прямо в горящее пятно нефти на земле.

К нему бросился высокий белозубый парень.

ОТЕЦ

Жара спала, солнце начинает клониться к закату; остывающий город светел и многолюден.

По улице идут с работы Рустам и Боходыр.

Рустам. ...Ну и что ты решил?

Боходыр. Не знаю. Отец хочет, чтобы я поступал в медицинский, но там химии очень много, а до меня химия не доходит. Муть страшная...Ангидриды всякие.

Рустам. Да ты его не слушай! Я тебе железно советую, поступай в технический. Техника сейчас все задавила! Атомный век, старик. Всякие там гуманитарные науки уже не годятся...

Боходыр. Может, куда-нибудь вместе поступим?

Рустам. Нет, я в этом году не смогу.

Боходыр. Почему?

Рустам (вздыхнул). Материальная база не позволяет. И

вообще, если все будет в норме, я после армии в Ленинград махну. Законный город. Между прочим, в Ленинграде самые красивые девочки.

Боходыр. А я слышал — в Киеве.

Рустам. Ну что ты мне говоришь! Давно известно, что на первом месте стоит Ленинград, потом Москва, на третьем — Одесса.

Откуда-то сбоку подлетает Эдик.

Эдик. Салют, салют!

Рустам. Привет. Ты уже переоделся. На свидание собрался?

Эдик. Не скрою, да.

Они догоняют нарядную девушку с сумочкой.

Эдик (поворачившись к девушкой, интимно). Здравствуй, Аллочка. Что, уже не узнаешь?

Девушка. Почему? Узнаю.

Эдик. Говорят, ты замуж вышла?

Девушка. Говорят.

Эдик. Ну и как семейная жизнь? Не заедает?

Девушка (улыбнувшись). Пока нет.

Эдик. Значит, жить можно? А то я вот думаю: стоит жениться или нет...

Девушка. Тебе? Нет, конечно.

Эдик. Почему?

Девушка. Ты еще маленький.

Она сворачивает в сторону.

Рустам. Кто это?

Эдик. Да так. Первая любовь. Недавно за летчика вышла.

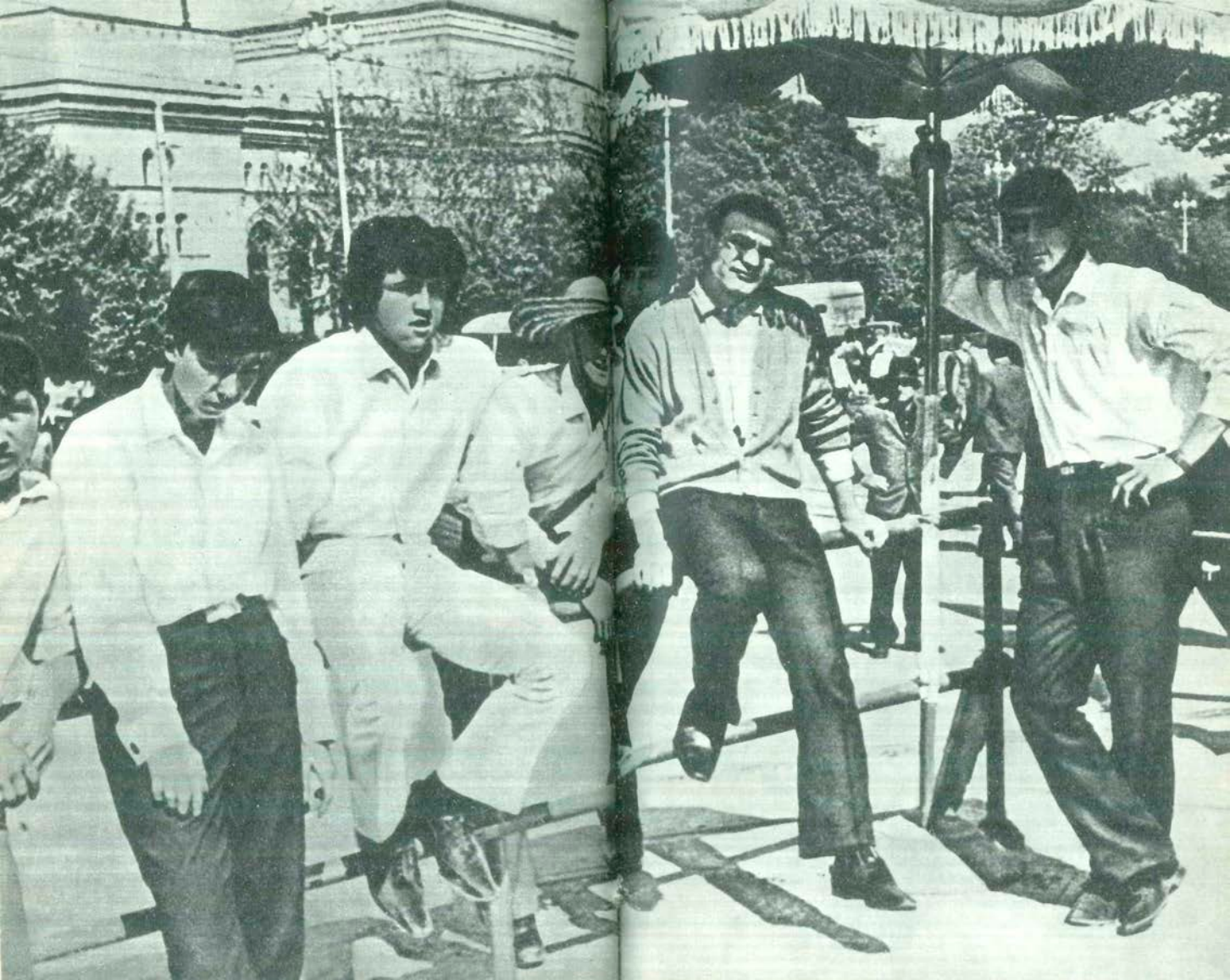
Боходыр (остановившись). Смотрите!

В его голосе тревога. Все трое останавливаются. Невдалеке у поручня уличной ограды стоит в полном составе компания Сани, с которой произошел конфликт в парке.

Они тоже заметили Рустама, Эдика и Боходыра, замолчали и ждут.

Боходыр. Влипли.

Эдик (нервно). Надо рвать, братцы. Срочно.

Рустам (нахмурившись). Не будь фраером, Эдик... От них мы еще не бегали.

Еще мгновение Рустам раздумывает, потом вдруг легкой походкой, беспечно и нахально усмехаясь, направляется прямо к противникам. Боходыр и Эдик с сомнением следуют за ним.

— Ну что, Саня, сегодня вас больше, да? — усмехаясь, говорит Рустам.

Саня молчит. Он сверлит Рустама пронзительным недобрим взглядом, а Рустам выдерживает этот взгляд с той же небрежной ухмылочкой. Долго они стоят так и в упор, не мигая, глядят друг на друга.

Но вот дрогнули Санины губы, он тихо усмехнулся, не выдержав Рустамова обаяния и нахальства. Улыбнулся и Рустам.

— Займи рубчик до полочки, — сказал Саня.

— Силь ву пле, Саня, — ответил Рустам.

И сразу все парни начали миролюбиво узнавать друг друга, предлагать спички, закуривать.

— Привет, Эдик. Ну как жизнь?

— Ничего. Говорят, дальше будет лучше.

— Алик, тебя Хасан искал.

— Да знаю. Я ему червонец должен.

Внимательно вглядываясь в кого-то, Рустам отходит от толпы парней и идет вдоль поручня.

В свободном от движения уголке площади стоит новенький «москвич» с открытым капотом. Невысокий человек довольно сытого и чистоплотного вида, в тонких резиновых перчатках копается в моторе.

Рустам подходит к машине.

Рустам (тихо). Здравствуйте.

Человек поднимает голову, пристально смотрит на Рустама.

Человек в перчатках. А-а, это ты. Здравствуй. Ну как учеба?

Лицо Рустама тускнеет.

Рустам. Какая учеба?

Человек в перчатках (снова принимаясь за мотор). Ну в школе.

Рустам. Я уже год как работаю.

Человек в перчатках (копаясь в моторе). Да? Ну и как работа?

Рустам. Ничего.

Человек в перчатках (копаясь в моторе). Сколько получаешь?

Рустам. Когда девяносто, когда сто. Давайте я вам помогу.

Человек в перчатках (выпрямляясь). Не надо, я сам дома разберусь.

Он осторожно, аккуратно стягивает с рук перчатки.

Человек в перчатках. А почему дальше не учишься?

Р у с т а м. Да так. Институт выбираю.
Владелец «москвича» усаживается в кабину.
Человек в перчатках. Надо учиться. Без диплома
сейчас только дураки сидят.

Он пробует стартер. Мотор заводится.
Человек в перчатках. Закрой-ка капот.
Рустам захлопывает крышку капота.
Человек в перчатках. Отойти, я разворачиваться
буду.

Рустам отходит в сторону. «Москвич» разворачивается и,
быстро набирая скорость, уходит по улице. Рустам смотрит
ему вслед.

— Кто это?

Это спрашивает Боходыр, подошедший сзади. Рустам мол-
чит, потом произносит:

— Мой отец.

Б о х о д ы р. Брось свистеть. У тебя же нет отца.

Р у с т а м. Что же я, по-твоему, инкубаторский?

Б о х о д ы р. Ты сам говорил, что у тебя его нет.

Р у с т а м (отрывисто). Говорил. Потому что он уже давно
с нами не живет. Как мать заболела, так он сразу ушел.
Наверно, заразиться боялся.

Б о х о д ы р. А что у нее?

Р у с т а м. Рак. Только не трепись никому.

Подбегает Эдик.

— И жизнь хороша, и жить хорошо! И в морду не получили.

ОПАЛЕННЫЕ РЕСНИЦЫ

Закат. Комната Тани. Почувствовав чей-то взгляд, Таня
оборачивается. За распахнутым окном Родина.

— Здорово.

— Здравствуй.— Она подходит к окну.— Где ты про-
пал?

— Я теперь далеко. Под Чиназом, на газовом фонтане.
Таня замечает, что руки Родина перевязаны бинтами.

— Опять ожоги...

— Ерунда. Это я специально... Чтобы к тебе приехать. Я же
обещал.

Таня улыбнулась.

— Эх ты, сочинитель.

— Ну как, поехали купаться?

— Сейчас? — Таня взглянула на часы.

— Конечно.

— Что ты, скоро шесть.

— Самое время.

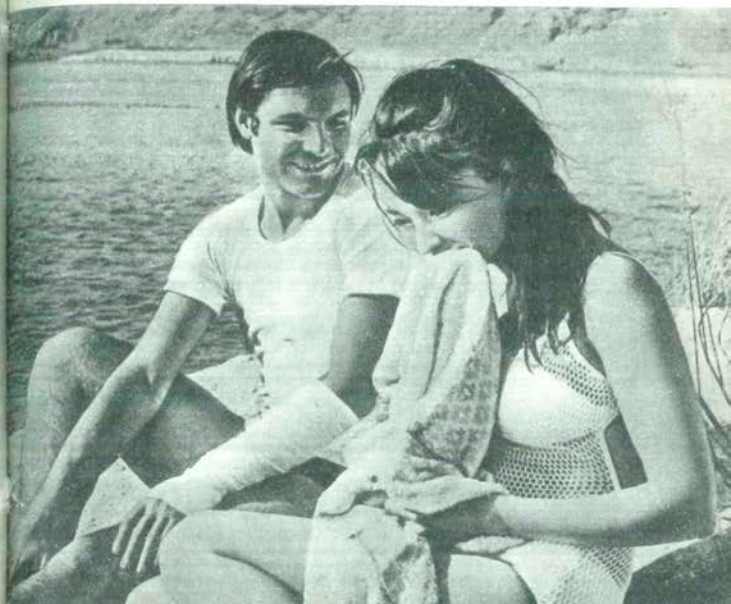
— Поздно. В другой раз.

— Ну Таня... Будь человеком. Мы же договаривались.

— Не уговаривай, ничего не выйдет.

— А мы долго не будем.

— Я же сказала, нет, — очень решительно произнесла
Таня.

На красной «яве» Родина они заехали далеко от людных мест. Берег, поросший тутовником, был пуст; в отдалении, за другим берегом, за травянистым покатым пустырем виднелись белые контуры домов городской окраины.

Таня вышла из воды. Тело у нее было светлое, незагоревшее, на нем блестела вода. Родин засмотрелся.

— Ну что ты смотришь? Не смотри.

Она взяла полотенце, села рядом на траву, спросила:

— Завтра опять туда?

— Ага.

— Ты ведь на лечении.

— Ерунда, заживет. Тебе не холодно?

— Нет.

Она сидела, обхватив руками колени, и смотрела на воду.

— Странно. Я тебя во сне видела.

— Это я нарочно приснился.

— Нет, я сама видела. Ты шел и смотрел куда-то в сторону.

Я хотела тебя окликнуть, а имя забыла. Потом проснулась, вспомнила. Родин. Редкое имя. Это мама придумала?

— Наверное. Потому что отец погиб за месяц до моего рождения. Он был взрывником, подорвался на mine, я же тебе рассказывал.

— А мама?

— Мама — радисткой.

— Ты ее совсем не помнишь?

— Смутно. Мне было тогда два года. Кто-то сказал, что мертвые улетают на небо. Я ходил и смотрел вверх, все ждал, когда она спустится... Не дождался. И почему у меня это имя, так и не узнал.

Он замолчал. Она тронула рукой его лицо:

— У тебя брови обгорели. И ресницы тоже... Ты, наверное, головой там огонь тушил, да?

— Ага.

— Смешной ты человек.

Он обнял ее.

— Я знаю, почему тебя так называли. Родин — это родинка. Родимое пятнышко...

— Но не бородавка, нет?

— Нет.

— Спасибо. Все ты про меня знаешь, а я о тебе — ничего... Шепот. Тихий смех.

— ...Знаю только, что у тебя глаза какие-то непонятные.

— Почему непонятные? Нормальные глаза.

— Нет. Не нормальные... Я не знаю, какие.

— А у тебя действительно все лицо в родинках. Одна, две, три, четыре... Нет, дальше не буду. Родинки считать — плохая примета.

— А что будет?

— Горе.

— Ерунда. Я в приметы не верю.

— А я верю...

ДАЛЕКИЙ ГОРОД САЛОНИКИ

Скучно было в этот вечер на пяточке у Зеленого базара. Возле поручня уличной ограды стояли Рустам, Боходыр и Улугбек и вглядывались в темноту.

— Бесполезно. Он, конечно, с Таней.

— Да, теперь уже не придет. Поздно.

Звенел далекий трамвай. Распахивались на ночь окна. Стыл и твердел раскисший за день от жары асфальт.

— Может, в кино сходим?

— А что идет?

— Не знаю. Какая-то иранская картина.

— Я пас.

— Ну что, тогда по домам?

— Наверно. Мне завтра в первую смену.

— А где Тасос?

— Он с Людой. Помнишь, на танцах познакомился? У них тоже любовь намечается.

— У всех любовь. Откалываются по одному.

— Да, добром это не кончится.

...— Нас окружили в горах, в северной Македонии. Я был маленький, помню только, что стреляли и бомбили. Вот тут я и потерялся...

Тасос и Люда медленно шли по темному, уже начинающему пустеть бульвару.

— Все думали, что мать и брат погибли, и поэтому, когда отряд уходил через границу, меня взяли с собой... Только через пять лет я узнал, что они оба живы, уцелели. Мама сейчас живет в Салониках, пишет мне. Только письма идут очень долго. А иногда вообще пропадают.

— А брат где? — спросила Люда.

— Брат уже шесть лет в тюрьме. Он коммунист.

Тасос закурил.

— Мать в письмах умоляет, чтобы я не торопился вступать в партию. Боится за меня. Но я вступлю. Даже если из-за этого никогда в Грецию не попаду, все равно вступлю. Не хочу быть трусом.

Они долго шли молча.

— Тебе не надоело меня слушать?

Люда покачала головой.

— Расскажи еще. Что с тобой потом было, после Македонии?

— Потом попал сюда. В детдоме подружился с Родином. Я тебя с ним обязательно познакомлю. Увидишь, какой это человек.

— Вы с ним вместе живете, да?

— Да. Он мне как брат.

ДВЕСТИ КИЛОГРАММОВ АММОНИТА

И снова гулкий пронзительный рев огненного фонтана, снова вязкий дым и стремительные смерчи огня.

Снова перекрещиваются тугие струи воды и лучи прожекторов.

Люди Мавлянова заканчивают подготовку взрыва.

Родин укладывает взрывной кабель в траншею.

Прошло уже дней десять, Родин оброс, на щеках закурчавилась жесткая борода, пробились усы.

Одна за другой повисают в небе точки ракет. Начинается эвакуация. Отходят, отползают тракторы и бульдозеры, прожекторные машины уходят подальше, в степь, отъезжают пожарные автомобили. Почти неслышные за ревом фонтана, воют сирены.

На склоне невысокого округлого холма наспех вырыта неширокая тесная щель. Она прикрыта от жары брезентом и обложена строительными бетонными блоками. Здесь штаб по ликвидации фонтана. Телефон, несколько военных раций, дощатый стол. Многолюдно, весь состав штаба в сборе: газовики, нефтяники, пожарники, военные, спасатели. Здесь сравнительно тихо, можно разговаривать.

— ...В Эльдарове применяли турбореактивные установки...

— Слышал. Пожарные пушки.

— Товарищи, кто не привычен, затыкайте уши...

Смех.

— Здесь таких нет. Только вот товарищ корреспондент...

— Товарищ корреспондент, между прочим, служил в артиллерии.

— Я тут прикинул: в сутки сгорает тысяча тонн нефти и полмиллиона кубов газа...

— Все-таки не можете вы, геологи, предсказать фонтан.

— Нет, под Тюменью был мощнее...

— Надо сфотографировать. Догорает свечка. Последние минуты.

К штабу, пыля, подъезжает военный газик. Молоденький лейтенант выпрыгивает из кабины, спускается в щель.

— Товарищ начальник штаба. Эвакуация закончена, взрывоопасная зона оцеплена.

— Хорошо.

Все разговоры смолкают.

Начальник штаба поворачивается к Мавлянову и Родину, склонившимся в углу над взрывателем:

— Тахир Мавлянович, как?

— Готов.

— Ракету.

Еще одна ракета повисает над степью.

Все ждут.

На дальних холмах, в кузовах машин, на крышах отдаленных кишлаков стоят люди, напряженно смотрят туда, где клубится столб фонтана.

Санитарки машин «скорой помощи» затыкают уши ватой.

Мавлянов привычно надавливает ручку взрывателя. Грохот и гул потрясают степь; в основании фонтана, разбивая его в стороны, встает секущий меч взрыва, язык пламени опадает, как подрубленный. Медленно расходится, оседает дым, и сквозь него уже видна струя грязно-бурой нефти.

Странная, пустая тишина повисает в степи.

— Ура-а! — одиноко кричит кто-то.

Но все молчат, выжидаяще следя за фонтаном.

И тишина обрывается. Пронзительно и гулко бьет молния газового хлопкa, и сразу снова, взревев, оживает огненная струя, возносящаяся к небу.

В штабе молчат. Теперь надо все начинать сначала.

РУСТАМ

По ступенькам главного входа больницы взбегают Рустам. В руках у него букетик.

Перед дверью у колонны стоит, щурясь с непривычки от яркого света, немного оглушенная толчеей улицы, невысокая, худая и от этого кажущаяся совсем еще молодой женщина с бледным и оживленным лицом.

Р у с т а м. Здравствуй, мама.

Они обнимаются, она целует его, заботливо оглядывает, берет цветы.

Р у с т а м. По-моему, ты поправилась.

М а т ь. Не знаю, может быть.

Р у с т а м. Разве ты не взвешивалась? Там же всех взвешивают перед уходом.

Он говорит очень весело, она тихо улыбается, глядя на него.

М а т ь. Я просто забыла.

Р у с т а м. Ну пойдем.

Он поднимает ее сумку с вещами, берет ее под руку.

Р у с т а м. Я дома убрался, полы вымыл! Вот посмотришь, как я мастерски все сделал.

М а т ь. Что же так побрился? Решил бакенбарды отпустить?

Р у с т а м. А что? Разве плохо?

М а т ь. Нет, хорошо. Куда мы идем? Нам же на остановку.

Р у с т а м (солидно). Зачем, я на такси.

М а т ь. Меня никто не спрашивал?

Р у с т а м. Спрашивали. Соседи, потом тетя Фарида заходила.

М а т ь. А отец не звонил?

Р у с т а м. Нет. *(Помявшись.)* Знаешь, я его на днях видел.

М а т ь *(обрадованно)*. Правда? Где?

Р у с т а м. На улице. Я с работы шел, смотрю, стоит его машина. Мотор забарахлил. Ну, я подошел, помог ему...

М а т ь. Он, конечно, обрадовался?

Р у с т а м. Ну что ты! Обнял, не хотел отпускать! Мы с ним по городу катались, в кафе посидели. Поговорили, он про работу расспрашивал. В институт советовал поступать...

Рустам рассказывает это без запинки, оживленно и весело, с ясным, не допускающим никаких сомнений взглядом.

М а т ь. Ну вот видишь. А ведь он очень толковый человек, плохо не посоветует.

Р у с т а м. Он про тебя спрашивал. Привет передавал.

М а т ь. Спасибо.

Они подходят к машине, усаживаются рядышком на заднее сиденье.

М а т ь *(задумчиво)*. Когда-то он и мне советовал идти в институт... Да я его не послушалась.

Р у с т а м. Почему?

М а т ь *(улыбнувшись от светлых воспоминаний)*. Потому что любила. Тебя хотела родить.

ТРИСТА КИЛОГРАММОВ АММОНИТА

Четыре санитара торопливо несут обожженного человека. Это один из друзей Родина. Носилки с раненым устанавливают в кабину вертолета. Рядом садится врач.

Дверца захлопывается. Стрекочет винт.

Родин торопливо дописывает адрес на конверте: «г. Хива Археологическая экспедиция № 6. Николаевой Тане». Бежит к вертолету, передает письмо летчику. Отбегает.

Вертолет отрывается от земли и, кренясь, набирает высоту.

Полдень. Верхний конец эстакады. Здесь на рельсах стоит тяжелая, емкая вагонетка. Под ее колесами — толстые стальные колодки. Люди Мавлянова редкой цепочкой, один за другим, на безопасном расстоянии друг от друга переносят пачки аммонита. Сам Мавлянов наверху, у вагонетки. Он принимает аммонит и тщательно, как можно плотней, укладывает пачки в вагонетку.

Работают молча. У фонтана никого, кроме них, нет. Лишь на склоне холма маячат две машины «скорой помощи».

Родин, поднявшись на эстакаду по лестнице, передает свой груз Мавлянову. Родин устал. Глаза у него запали, лицо в грязной копоти.

Мавлянов на секунду выпрямляется, смотрит на Родину.

Мавлянов сам устал, тяжело дышит, тяжелая, морщинистая шея в поту. Он вдруг хитро, по-стариковски спрашивает:

— Закурим?

Родин понимает, усмехается.

— Спичек нет, Тахир-ака.

Старик коротко засмеялся, протянул Родину пучок райхона — душистой травы.

— Нюхай. Помогает.

Закат.

Мавлянов снимает стальную колодку с рельса, отбрасывает. Начинает отвинчивать вторую. Приостанавливается.

— Готовы?

— Да.

— Рельсы проверили?

— До сантиметра, Тахир-ака.

— Ну, детки, — оглядев всех четверых, говорит Мавлянов, — бежать как на войне.

— Тахир-ака, — просит Родин, — отходите. Мы ее запросто удержим.

— Тихо, — спокойно говорит старик. — Тут я приказываю. Ракету!

— Есть.

Мавлянов снимает колодку.

— Отпускай. С богом!

Родин и еще трое взрывников, удерживавшие вагонетку, наваливаются и сталкивают ее вниз по рельсам. Коротко, глухо стуча, постепенно набирая скорость, вагонетка, полная аммонита, катится к основанию фонтана. Взрывники бросаются враспынную.

— Ложись!! — хрипло кричит Мавлянов.

Ревущий, близкий удар взрыва раскалывает воздух, пробегает по содрогнувшейся земле, гулко отдается в степи.

Снова, как после первого взрыва, тишина. Медленно, нехотя опадает дым.

От усталости никто не кричит, не радуется, все молчат. Кто-то привстает, садится, закуривает, остальные лежат на траве.

Слышатся вдруг тихие, тягучие звуки. Грустный узбекский напев плывет над стихшей степью, где уже слышны кузнечики и шорох ветра, налетающего с холмов.

Это Мавлянов, сидя на траве и привычно следя за рассеивающимся дымом фонтана, играет на своей губной гармошке. Он играет задумчиво, мирно, но все же не отрывает взгляда от опаленного, черного куска степи, потому что фонтан может в любую секунду снова вспыхнуть, и тогда придется все начинать сначала в третий раз.

В голубой высоте над степью кружит спортивный самолет. Он взмывает, падает вниз, переворачивается вверх брюхом, крутит петли.

Мавлянов долго следит за ним, качает головой:

— Смотри, что делает. Прямо шайтан. — Он вздыхает. — Никогда бы не взялся за такую работу...

— Почему, Тахир-ака? — спрашивает Родин.

— Очень уж опасно. Каждую минуту упасть можно.

ПЕРВАЯ ПЛАТФОРМА

Через неделю взрывники были уже в Ташкенте. Шумной гурьбой они ввалились с вещами в здание своего управления, загремели отвыкшими от тишины голосами.

— А вот и мы!

— Привет героям. С прибытием!

— Зачем нас сюда привезли?

— Ну как же, поздравлять, речи говорить, руки трясти. Это ненадолго, потом сразу по домам.

— Нет, я до дому не дотерплю. Буфет работает?

Родин заглянул в канцелярию.

— Привет. Мне писем за последние дни не было?

— Сейчас посмотрю. Кажется, что-то было... — служащая канцелярии стала перебирать почту. — Да, телеграмма, вчера пришла. Мы ее в Чиназ не отправляли, знали, что вы возвращаетесь. Распишитесь.

Родин вскрыл телеграмму, прочитал, растерянно спросил:
— Какое сегодня число?
— Четырнадцатое. А что...
Родин метнулся к выходу.

— Тасос!
— Все-таки ты успел, старик!! — Тасос шагнул навстречу.
Парни расступились.
Родин с разбегу обнял его, стиснул, затряс.
— Я только что узнал. Все точно?
— Да! Через десять дней я буду в Салониках! Мне разрешили! — Тасос был как в лихорадке. — У нас новое правительство! Понимаешь? Амнистия! Брата из тюрьмы выпустили! Он уже дома!
— Что же ты не сообщил?

— Только вчера все решилось. Ребята тоже не знали. Я сам ничего не знал. Понимаешь? Папандреу — великий человек! Он собрал новый кабинет, все изменилось. Скоро у нас там будет конституция!!

Поезд мягко тронулся.

— Ты матери что-нибудь купил?

— Что? Да, конечно! — голос у Тасоса сорвался. — Она меня не узнает. Мы будем разговаривать через переводчика...

— Садись, Тасос! — закричали ребята. — Отстанешь.

— Люда! — крикнул Тасос.

Она стояла в сторонке. Тасос обнял ее, стал целовать.

— Люда! Я напишу тебе! Скоро ты ко мне приедешь! Нам разрешат! У нас ведь новое правительство, ты слышишь?

— Скорей садись в вагон, — сказала она сквозь слезы, — поезд уходит.

Поезд набирал ход.

Тасос еще кидался от одного к другому, бормотал: «Братцы... Родин, ребята». Его подхватили, втолкнули на подножку, побежали за вагоном, говорили что-то, жали на ходу руку.

— Сразу сообщи адрес, — просил Родин.

Тасос часто кивал головой, улыбался странно, топтался на ступеньке, взмахивал рукой.

— Братцы... я не забуду вас. Люда, теперь письма будут идти быстро. Родин, а помнишь, в детстве я получил первое письмо и не мог его прочитать, ты помнишь?

— Будь счастлив, старик.

— Прощай, Тасос.

Поезд ушел.

Парни поют под две гитары. Кафе «Ветерок» на крыше универмага в предзакатные часы почти пусто, вечерней толчеи и шума нет.

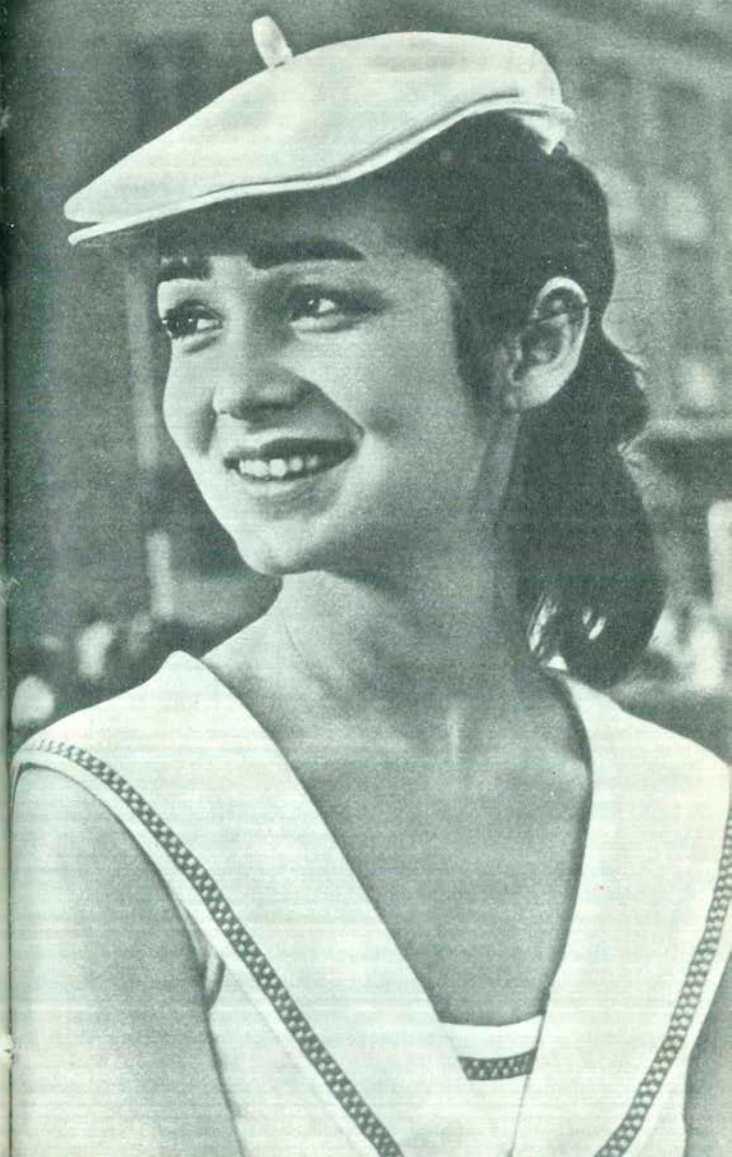
Компания сидит за двумя сдвинутыми столиками, с гитами Родин и Улугбек. Песня всем нравится, поют с большим чувством:

«Ты не пришла провожать,
Поезд устал тебя ждать.
С детства знакомый перрон,
Только тебя нет на нем.
А рельсы бегут и бегут,
В дальние дали маня.
Мне никогда не забыть
Те голубые глаза».

Рустам вдруг оборачивается, словно почувствовав чей-то взгляд. Нет, никого чужих нет, вокруг только ребята, они поют или слушают, покачивая в такт головами.

Начался второй куплет, и вновь Рустам обернулся, и на этот раз не зря. Недалеко от ребят присела за свободный столик высокая девушка с серыми прекрасными глазами и как раз такой прической, которая нравилась Рустаму. Девушка сидела вполоборота, тонкая смуглая рука ее

лежала на столе и подрагивала в такт гитаре, потому что эта песня девушке тоже нравилась. Она посмотрела на Рустама и чуть задержала взгляд.

«А стук монотонный колес
Будет мне петь до зари
Песню утраченных грез,
Песню о первой любви».

Рустам пересел на другое место, чтобы еще посмотреть на нее, но она все не поворачивала головы, а слушала песню. Наконец она взглянула на него своими серыми и действительно прекрасными глазами и улыбнулась.

Рустам смутился, взял со стола и независимо закурил сигарету «Прима». Спичку ему зажег Эдик и спросил:

— Рустам, а где Боходыр? Что-то его давно не видно.

— Он на свидании, — ответил Рустам. — У него жуткий роман с одной девочкой.

— Серьезно? — удивился Эдик. — Не ожидал от него.

Когда Рустам, затянувшись несколько раз и выдержав, сколько мог, независимую, солидную позу, наконец обернулся, девушки с серыми глазами уже не было. Столик был пуст.

Рустам встал. Он обвел растерянным взглядом площадку кафе. Ее не было. Она ушла. Рустам торопливо двинулся к выходу.

...Он пробежал по дорожке скверика, оглянулся. Она садилась в троллейбус.

— Девушка! — крикнул Рустам и помчался за троллейбусом.

...Ребята продолжали песню, к ним присоединились еще какие-то парни и тесно сгруппировались вокруг Родина.

Мальчишка лет тринадцати с испуганным лицом вбежал на площадку кафе, начал озиаться, кого-то отыскивая, увидел Эдика, подбежал, протолкался к нему, спросил:

— Эдик, где Рустам?

— Где-то здесь, — ответил Эдик. — А в чем дело?

— У него с матерью очень плохо.

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Жестяной полумесяц, выкрашенный в синюю краску, белое полотнище на шесте, беспорядочно теснящиеся округлые холмики, железные оградки, одинокий белыйobelisk с четкой золотой арабской вязью по мрамору, старая орешина, высохшая трава. Это мусульманское кладбище на окраине города.

Был спокойный, с еще светлым небом летний вечер, когда кончилась молитва и редкая толпа мужчин стала выходить из калитки кладбища. Рустам шел медленно, рывками. Лицо у него было сухое и только удивленное, он непрестанно оглядывался, все искал глазами кого-то, хотя все были на виду, народу было мало. Последние люди вышли из калитки, Рустам снова обернулся, но на кладбище было пусто, сгустились тени над старой орешинкой, пропадали в сумеречной мгле слова, начертанные арабской вязью на мраморе: «Господи, как странно! Как странно! Вот я уйду туда, и некому меня удержать».

Парни молча вышли на площадь, где уже зажглись светильники на низких трубчатых ножках, ярким пятном горел прожектор строящегося дома, изредка проходили машины, и тут Рустам резко остановился.

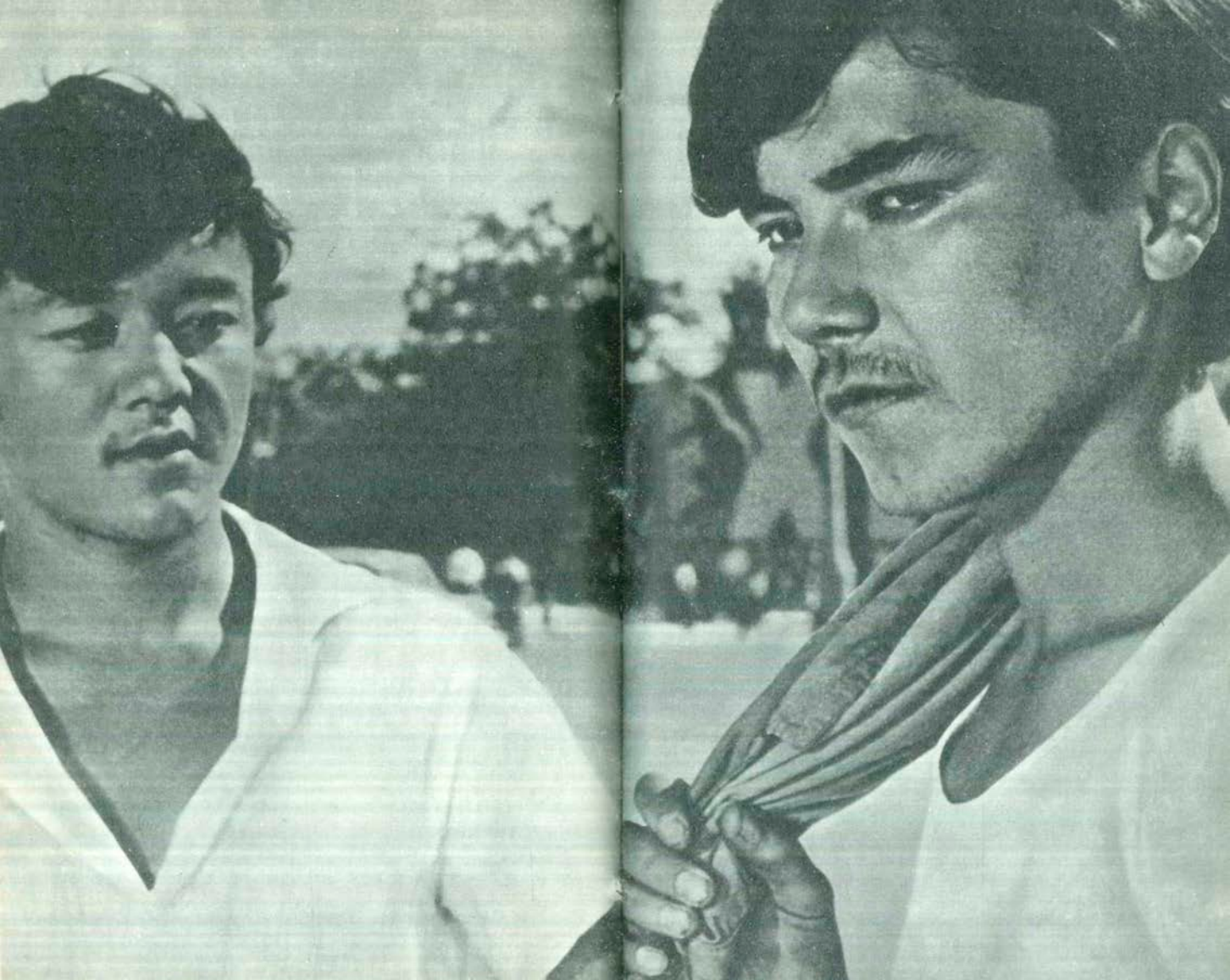
— Ребята! Ну почему он не пришел? — сказал Рустам, и в его голосе зазвенело отчаяние. — Я же ему две телеграммы послал!

Он замолчал. Ребята с тревогой обступили его.

— Мать меня просила. Пусть он придет на похороны. Пусть попрощается, — проговорил Рустам тихо и как бы про себя. — А он не пришел.

Лицо Рустама судорожно дернулось, он метнулся в сторону и, не зная, куда и зачем, ничего перед собой не видя, зашагал по площади.

— Я же у него не деньги требовал, — звенящим, напряженным голосом говорил Рустам. — Я же ему не навязываюсь. Я же не виноват, что она его любила!

Он повел головой, словно задыхаясь, остановился внезапно и глухо, сквозь нарастающие и бьющиеся в горле толчки выкрикнул в пространство:

— Ну откуда берутся такие люди?!

Его била дрожь, все тело дергалось от сухих, яростных спазм, ему было просто очень плохо сейчас жить.

— Я знаю, он стыдится нас! Брезгует!

Парни с тревогой окружили его.

— Брось, старик. Ну его к черту...

— Плюнь ты на это дело.

Рустам метнулся в сторону. Он побежал по площади, побегал неровно, отчаянно, остановился в темной тени деревьев, согнувшись, схватив лицо руками.

На строящемся доме услышали крики, и какой-то любопытный парень повернул прожектор. Слепящий луч ударил в Рустама.

— Убери свет! — иступленно закричал он и с бешенством запустил камнем в стену. — Убери свет! Я ничего не хочу! Лучше бы меня вообще не было!

Собиралась толпа.

— А в чем дело?

— Неизвестно. Наверно, драка.

Ребята подхватили Рустама, чтобы увести, но он рванулся из их рук.

— Уйдите! — попросил он. — Я не хочу никого видеть.

Родин обернулся к толпе:

— Ну чего вы собрались? Делать вам нечего? Здесь же не цирк.

Заметил милиционера, спешившего к толпе, кинулся к нему, перехватил:

— Стой, старшина! Не трогай его, я тебя как человека прошу! Нельзя его трогать! Я тебе все объясню.

А Рустам плакал, уткнувшись лицом в ствол дерева. Он плакал глухо, подвывая, зло и беспомощно, как мальчишка, но это были последние слезы юности.

ЖУТКИЙ РОМАН БОХОДЫРА МУЗАФФАРОВА

Ночь. Все спят. На углу улицы стоит братишка Боходыра. Из темноты, озабоченный и уже закипающий гневом, появляется отец Боходыра.

— Ну что, нет?

— Нет.

— Где же он пропал? — недобро говорит отец и зычно зовет в темноту.

— Боходы-ы-ыр!

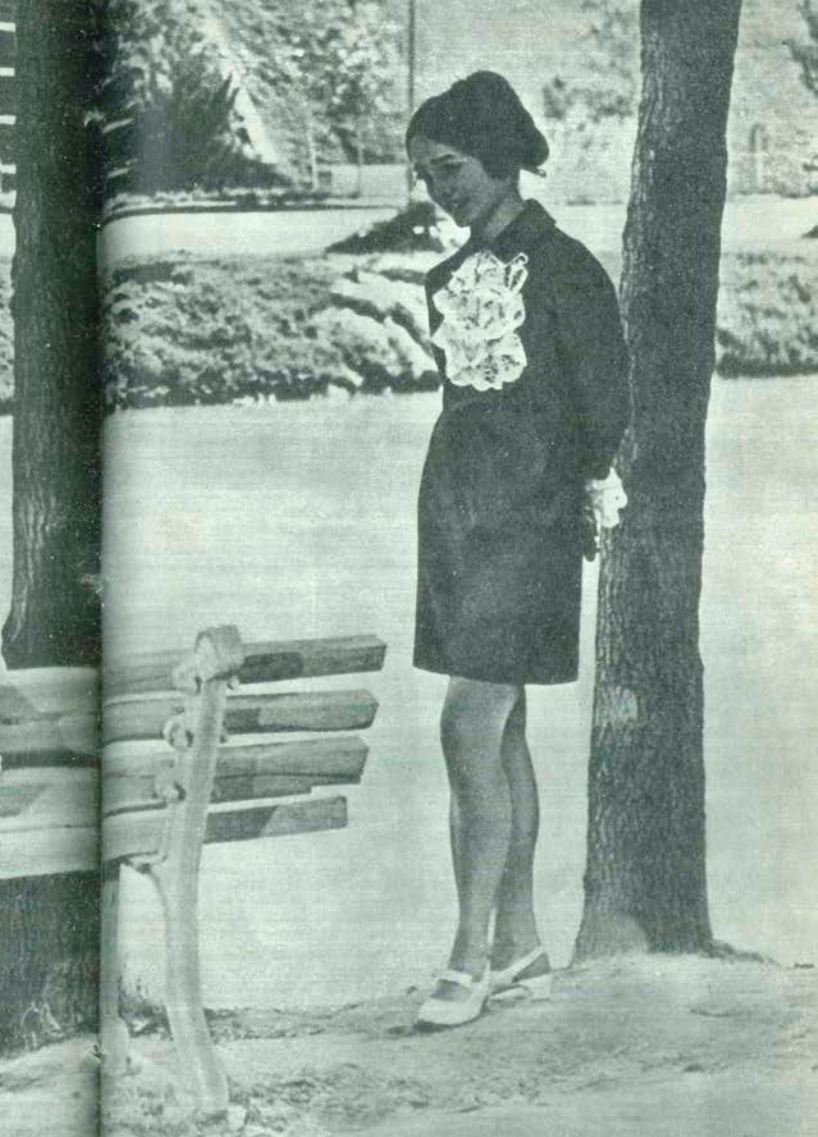
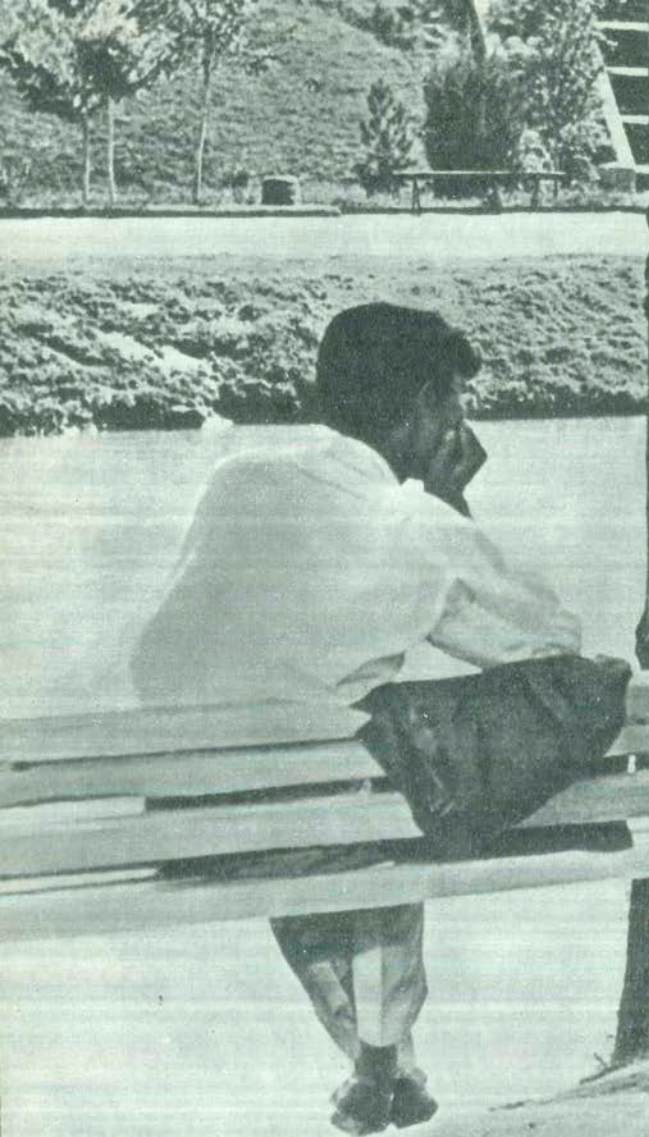
— Боходы-ы-ыр! — более жидко подхватывает братишка.

Боходыр их не слышит. Он гуляет по бульвару с девочкой по имени Соня. У них важный разговор.

С о н я. Ты с кем-нибудь целовался до меня?

Б о х о д ы р. А ты?

С о н я. Нет, сначала ты скажи: целовался?

Б о х о д ы р. Сто раз.

С о н я. Вот и неправда.

Б о х о д ы р. Почему?

С о н я. Потому что ты не умеешь целоваться.

Б о х о д ы р. А ты умеешь?

С о н я. Умею.

Б о х о д ы р (свирепея). Кто же это тебя научил?

С о н я. Никто. Я в кино видела.

— Боходы-ыр! — где-то совсем близко слышится голос отца.

Боходыр и Соня испуганно приседают.

— Ой, Боходыр, что нам будет! — ужасается Соня. — Меня, наверно, тоже ищут. Надо бежать!

— Подожди, — он хватая ее за руку. — Давай погуляем еще немного...

— Ну что ты, ведь влетит обоим...

— Ерунда, — мужественно говорит Боходыр. — Что мы, отдохнуть не имеем права?

Семья в полном составе ждала Боходыра у калитки: мать, отец, братишка, бабушка и сосед.

Боходыр увидел их, замедлил шаги, остановился.

— Где ты был? — тихим голосом спросил отец.

Сосед с интересом ждал развязки.

— Гулял. А что, не имею права, да? — уже менее мужественно проговорил Боходыр.

Отец поднял руку и больно схватил его за ухо.

— Пойдем, сынок. Сейчас мы поговорим о твоих правах.

НЕЖНОСТЬ

Утром был туман, такой редкий в Ташкенте, — легкий, зыбкий, залегший во влажной листве платанов и курящийся вдоль Анхора летний туман.

Рустам сидел на скамейке садика.

Ночь прошла. Давно высохли слезы, осталось чувство пустоты и вины.

Из глубины садика в тающей дымке тумана показалась девушка, тоненькая, прямая, с прекрасными серыми глазами и как раз такой прической, которая очень нравилась Рустаму. Она подошла к нему, остановилась и стояла молча, пока он не повернул голову и не увидел ее внимательных и действительно прекрасных серых глаз, смотревших на него с ясностью и добротой:

— Здравствуй, — сказала она. — Ты меня узнал?

— Да.

— Я каждый день здесь прохожу. А тебя ни разу не видела. Ты ждешь кого-нибудь?

— Нет. Никого.

Она засмеялась и сказала:

— А я-то думала, меня.

ДА

Комната Родина. Косой луч солнца на стене, в нем от ветерка из окна плавают легкие занавески. Те же фотографии, тот же бронзовый дискобол на столике: «Лучшему врачу детского дома № 193». Только пусто стало без Тасоса, без его кровати и книг.

Родин говорит по телефону.

— Здравствуйте, Тахир-ака! Все нормально... Да, я знаю, туннель будем строить... Тахир Мавлянович, я в управлении уже говорил, хочу через Ургенч полететь. Да-да. Можно? Ну спасибо. Завтра буду на месте. Что? Не волнуйтесь, доберусь. Это же рядом. До свидания.

Родин собирается в путь. Укладывает сумку, причесывается, замечает, что оторвалась пуговица, ищет иглу, потом нитки.

В комнате играет радиола, и Родин даже пританцовывает небыстро, плавно, в такт замедленной светлой мелодии.

Он пришивает наконец пуговицу и втыкает иглу в подушечку на стене.

Бородку он давно сбрил, а усы оставил, и они делают его похожим на отца.

Редкая толпа пассажиров спускается по трапу самолета. Показывается Родин. Он празднично одет, на голове белая шляпа, в руке дыня. Он задерживается на верхней ступеньке трапа, нетерпеливо оглядывает маленький, белый от пыли аэропорт, куда принес его на серебристых крыльях пузатый синий АН. Встречающих не видно. Рейс местный, деловой, и трогательных встреч здесь бывает мало.

Родин сбегает по трапу, идет к низкому кирпичному зданию аэропорта. Идти недалеко, самолет подрулил прямо к зданию. Родин снова оглядывается. Редкая толпа деловитых пассажиров уже схлынула, Родин остается один, его никто не встретил.

Белая жара царит кругом, в клумбах застыли пыльные розы, плавится и мягко поддается под ногами асфальт, тень от стены кажется синей и глубокой.

Ичан-кала. Девятисотлетний город-крепость. Здесь никто не живет, уже давно пустуют дворцы, медресе, башни и старинные домики, обнесенные крепкими оградами. Это заповедник: огромный музей, покрытый красновато-белой лёссовой пылью. Пустые, мощенные кирпичом площади, желтая крепостная стена с зубцами, городские ворота, мавзолеи с пестрым ярким письмом изразцов, затихшие минареты, на вершинах которых пристроились давние аистыные гнезда.

Из глубины узкой улочки, полого спускающейся к воротам, идет Таня. Она в брючках и рубашке, очень загорелая, поху-девшая. Ускоряет шаги, подходит, протягивает руку.

— Здравствуй! Откуда ты взялся?

— С неба, — улыбается Родин.

— Усы отрастил, — говорит Таня. — Ты проездом?

— Да, нас на туннель перебрасывают.

— Как твои дела?

— Все в порядке. Это тебе. — Родин подает ей дыню.

— Зачем? — Таня смеется. — Здесь лучшие дыни в мире...

— Я не знал.

— Ладно, спасибо. — Таня забирает дыню.

— Ну как, золота много накопили? — улыбаясь, спрашивает он.

— Пока еще нет. Я схожу умоюсь и переоденусь, хорошо?

— Провожу?

— Да нет, это рядом. Лучше здесь подожди.

Она уходит. Родин закуривает, присаживается на ступеньку у входа в медресе. Лицо его безоблачно, он счастлив. Безмятежно и с интересом он оглядывает город, лежащий перед ним: четкие контуры плоских крыш, знойное марево улиц, аиста, подлетающего к гнездовью на минарете.

— Молодой человек, сфотографировать не желаете? — Пожилой фотограф-пушкарь с алюминиевой треногой подходит к Родину.

— Да нет, спасибо...

— Смотрите, может, надумаете. Фон богатый, снимки у меня качественные, вам будет память, а мне план...

Родин улыбается. Фотограф ставит свой штатив и вытирает платком шею. Жарко. Родин с любопытством смотрит на щит с образцами фотографий, укрепленный на одной из ножек штатива. Обычные фотографии: туристы на крепостной стене, иностранцы, задравшие головы, молодые пары. Одна из них стоит на фоне изразцовой стены мавзолея: он высокий, серьезный молодой человек, обнявший спутницу за плечо, она загорелая, очень стройная девушка. Серьезный молодой человек Родину незнаком, а вот девушка известна. Это Таня.

Фотограф присаживается в тень.

— Шесть лет живу здесь, а к жаре не привык. А ты здешний?

- Да, — кивнул Родин.
- Небось, и не замечаешь, когда тридцать, а когда сорок?
- Да, — сказал Родин.
- Хотя сегодня сорока не было... градусов тридцать пять, не больше, так я думаю... Точно?
- Да, — сказал Родин.
- А может, и больше. Жена говорит, духота — к дождю
- А по-моему, тут всегда духота. Не продохнешь.
- Да, — сказал Родин.
- Вот я и говорю. Где ни живи, куда ни езжай, везде свои плюсы и минусы. Разве не так?
- Да, конечно, — согласился Родин.
- А толковый ты мужик! — сказал фотограф.
- Помолчали.
- Ну что ж, пойду, — сказал фотограф. — Кажется, экскурсия показалась. Бывай здоров. Приятно было познакомиться.
- Счастливо.
- Таня подбежала откуда-то сбоку.
- Извини, я задержалась.
- Родин посмотрел на нее и улыбнулся.
- Ничего. Я не скучал.
- Они медленно пошли по городу.
- Интересная экспедиция? — спросил Родин.
- Не очень. Жара, воду таскаем за километр. Правда, кое-что нашли, но переворота в науке это не произведет.
- Он пристально смотрел на нее.
- Ты скоро вернешься домой?
- Недели через две.
- А почему так редко пишешь?
- Да знаешь, я вообще не умею писать письма.
- Она сказала это очень искренно. Родин улыбнулся.
- Ты очень похорошела.
- Просто загар, — засмеялась Таня. — Ну пойдем, что тебе показать? Ты мавзолей Палван-Махмуда видел?
- Нет.

— Пойдем. Это обязательно надо посмотреть.

— Таня, — позвал он.

— Что?

— А может, я зря приехал?

Она посмотрела ему в глаза:

— Я очень хотела тебя видеть. Правда.

Помолчала, спросила:

— А зачем ты усы отрастил?

— Ну как же? Чтобы тебе нравиться, — серьезно ответил

Родин.

— Ты без усов был лучше.

— Серьезно? Тогда ликвидирую. Где тут парикмахерская?

Таня смеялась:

— Ладно, оставь. Только шляпу сними. Где ты ее достал?

Таких уже сто лет нигде не продают.

— Не трогай мою шляпу. Она импортная, — с достоинством сказал Родин.

Она сняла с него шляпу, нахлобучила себе на голову.

Шляпа ей была велика.

— Отдай шляпу! — Родин бросился к ней.

Она вскрикнула и побежала, смеясь, по гулким каменным плитам, по узким заглохшим улочкам, по плоским пологим ступеням пустого города. Несколько раз ей удалось увернуться от Родина, обмануть его, она выскользнула, когда он дотянулся на бегу до ее руки, но на сумрачной брусчатой площади, окруженной минаретами и фасадами медресе, где каждый шорох отдавался эхом, он наконец догнал ее, крепко схватил за плечи и повернул к себе. Они остановились. Он засморгнулся на ее еще смеющееся милое лицо и наклонился, чтобы поцеловать, а она подняла голову, как будто ждала его губ, а может, чтобы просто посмотреть на него, что-то сказать, продолжить прежнюю игру, но, увидев близко его глаза, в последнее мгновение вдруг отвернулась. Он обнял ее и стал ловить губы, но всякий раз она отводила голову, отворачивала свое лицо, которое стало уже замкнутым,

отдаленным и серьезным. Мягким, но решительным движением она освободилась от его рук, отступила на шаг и сказала очень ясно, сухо и просто:

— Не надо, Родин.

Женщины умеют говорить такие слова совершенно ясно и бесповоротно. Родин отвернулся.

— Не надо было мне приезжать, — сказал он.

Таня молчала, глядя в стену, покрытую фиолетово-синими, как рассветное азиатское небо, изразцами, созданными кем-то по неведомым законам давно утраченной и почти невероятной красоты и гармонии.

— Прости меня, — сказала Таня. — Я не смогла написать об этом. В последние дни мне так нужно было увидеть тебя, что я даже собралась в Ташкент. Понимаешь... есть один человек...

Она обернулась. Родина уже не было, он ушел.

— Ну так как же мне уехать?

— Ждать попутной машины, — отвечала диспетчер автостанции. — Они по ночам здесь часто ходят. Голоснете.

— Почему по ночам? — спросил Родин.

— Сразу видно, нездешний, — усмехнулась женщина. — Кто же по такой жарнице в пустыню поедет? Сейчас по всей трассе асфальт плавится.

— Понятно.

Столовая. Вечерами она превращается в кафе. Людно. Играет радиола.

За одним из столиков сидит Родин. Перед ним ужин, водка в графине, вода. Родин курит, невнимательно, беспокойно слушает странный, ускользающий мотив пластинки, который часто повторяется оттого, что, когда пластинка кончается, кто-нибудь встает и снова ее ставит.

Недалеко от Родина в шумной компании молодежи сидит маленькая девушка, почти девочка, с удивленными смешными глазами и неправдоподобно белыми, льняными волосами, спадающими на плечи.

Она иногда поглядывает на Родина и улыбается. Заметив это, он улыбнулся тоже, приветственно поднял рюмку. Она засмеялась, подняла в ответ стакан кефира. Вся ее компания — экскурсанты из какой-то школы — ужинает, на столе у них дежурные лангеты и кефир.

— Родин!

Вздвогнув, Родин поднимает голову. Это Таня.

— Я тебя ждала, искала. Боялась, что уехал.

— Машин нет.

Молчание.

— Ты садись, — спохватывается Родин. Встает, придвигает ей стул.

— Спасибо, — Таня садится. — Нам надо поговорить. — В ее голосе просьба.

— Ты думаешь, что надо, а я думаю, что не надо.

— Ты не можешь задержаться хотя бы на один день?

— Нет. У меня дела.

Таня смотрит ему в глаза:

— Я не хочу, чтобы ты думал обо мне так, как сейчас думаешь.

— Я ничего не думаю, — мягко говорит Родин. — Я все понимаю, Тань.

— А если не все?

— Значит, пойму потом.

— Я не помешаю? — у столика стоит серьезный молодой человек, что был изображен с Таней на фотографии.

— Зачем ты пришел? — Таня нервничает. — Я же тебя просила...

— Да просто хочу посидеть. Ты не против? — обращается он к Родину.

— Валяй, садись.

Молодой человек протягивает руку:

— Шухрат.

Родин, помедлив, подает свою:

— Родин.

Шухрат садится, закуривает:

— Ты взрывником работаешь?

— Ага.

— Это интересно?

— Работать можно. А ты?

— Я в аспирантуре.

— Понятно.

— Ну что, может выпьем? — предлагает Шухрат. — Я сейчас закажу.

— Да вот есть, — Родин берет графин. — Таня, тебе?

— Я не хочу.

Она нервничает, но держится хорошо. Вообще все трое пока держатся хорошо.

— А мы выпьем. — говорит Шухрат. — За мир во всем мире.

Они выпили.

Подошел официант, Таню и Шухрата он знал.

— Здравствуйте. Будете ужинать?

— Мне ничего не надо, я уйду, — спокойно сказала Таня.

— Подожди, Таня, — попросил аспирант. Она отвернулась от него.

— Еще? — спросил Родин, поднимая графин.

— Давай.

Родин отыскал взглядом белокурую девочку за соседним столом и поднял рюмку. Девочка улыбнулась.

— Взрывники много пьют? — спросил Шухрат.

— Жутко, — ответил Родин. — Причем водку и коньяк не признают.

— А что же?

— Денатурат, политуру, тройной одеколон.

— Это что, серьезно?

— Конечно, — усмехнулся одними глазами Родин.

Официант принес заказ Шухрата.

— Ага, — сказал Шухрат. — Очень кстати.

Он налил из своего графина Родину и себе. Они выпили.

Рюмки здесь, в провинции, были внушительные. Шухрат хмелел.

— Таня, что ж ты молчишь, может, выпьешь хоть немного, — он попытался взять Таню за руку, она отдернула. У Родина заиграли желваки на скулах.

— Она не хочет. Давай выпьем, старик. — Шухрат поднял рюмку.

— По-моему, ты уже в норме, — жестко сказал Родин. — Хватит.

— Ерунда! В чем дело? Давай выпьем.

— Я не буду.

— Как?

— Вот так.

Они взглянули друг другу в глаза. Таня встала.

— Все, я уйду.

Шухрат перевел взгляд на нее.

— Я вам мешаю, да? Он злится, ты уходишь, музыка играет... Сядь, Таня. Я тебя прошу. Сядь.

Он выпрямился, закурил, помолчал.

— Знаешь, почему я сюда пришел? Ты женщина, должна знать. Я очень боюсь потерять тебя.

— Шухрат, ну зачем ты...

— Я отключился, понимаешь? Бывает, что люди отключаются? Так вот, я отключился. В связи с тобой.

Он говорил спокойно, негромко.

— Мне все равно, что у тебя было, чего не было... Почему, когда, зачем — мне все равно. Просто ты мне очень нужна, я не могу без тебя. В этом все дело.

Родин слушал, глядя в стол.

— Я люблю тебя, вот какая петрушка, — Шухрат замолчал.

— Да, я знаю это, — тихо сказала Таня.

— Пора бы знать. Все-таки уже не дети. Я не пришел бы сюда, не ставил бы всех в такое дурацкое положение, если бы не любил. — Он смотрел ей в лицо, она не отводила взгляда. — Вот и решай, — сказал Шухрат.

— Хорошо, я решу, — ответила Таня.

Родин видел, как она это сказала. Долго, очень долго длилось молчание за столом.

— А у меня свадьба, — сказал Родин. — Я скоро женюсь.

— На ком? — рассеянно спросила Таня.

— Сейчас увидишь, — очень весело сказал Родин.

Он встал и пошел к столику, где сидела девушка с белыми волосами.

— Разрешите вас пригласить? — сказал он не без фатовства.

— Пожалуйста, — кивнула льняной головкой девочка и встала. Она оказалась маленькой и гибкой.

Заиграла музыка, быстрая и четкая. Какое-то мгновение девочка стояла неподвижно и вдруг, схватив ритм, безошибочно, тихо и легко задвигалась, лукаво глядя на Родину.

Они танцевали хорошо — без полуобъятий, на расстоянии друг от друга, расходясь и сближаясь.

— А вы ничего танцуете! — сказала девочка, приближаясь к Родину, разворачиваясь, уходя в сторону.

— Еще бы! — сказал Родин. — Танцы — это моя страсть!

На них уже смотрели, подходили поближе к ним, прилопывали.

— Это ваша девушка там сидит? — спросила девочка, снова приближаясь к нему в танце и улыбаясь.

— Нет, это невеста вон того аспиранта.

— Вы шутите?

— Почему? Разве у аспирантов не бывает невест?

— Я не знаю, — искренно сказала девочка.

— Конечно, бывают, — серьезно сказал Родин. — Аспиранты тоже люди.

— Вы очень смешной!

— Это специально для вас, — галантно сказал Родин. — Чтобы у вас не было плохого настроения.

— А у меня не бывает плохого настроения, — счастливо ответила девочка.

Ускорился ритм музыки, и они ускорили движения. Родин вошел во вкус. Он уже творчески дополнял танец, припрыгивал, подскакивал бочком и всячески резвился.

Свободно и точно танцевала счастливая девочка с белыми волосами. Конечно, никто не мог научить ее этому, просто она сама всегда умела выражать свою радость в движении.

— Занятный парень, — усмехнувшись, сказал аспирант Шухрат. — Заводной товарищ.

Таня молча следила за Родином.

К столу подошла подруга Тани.

— Таня, ты почти сегодня смотрела?

— Нет, а что?

— Пляши! — Девушка подняла телеграмму.

— Брось шутки. Дай сюда.

— На. Злюка, — обиженно сказала подруга и ушла.

«Ты мне снишься каждый день, поэтому вылетаю. Рейс 12. Родинка» — такая была телеграмма.

Еще сильнее ударила музыка в хлестком современном

ритме, и, когда Таня подняла голову, вокруг Родина и девочки уже образовался круг, двигавшийся к выходу. Парни хлопали, кто-то уже тоже танцевал, смеялись, а в середине круга Родин выделял совсем невиданные коленца и мягко извивалась льняная девушка, вся отдавшись танцу.

Таня встала и шагнула к ним, но остановилась. Она смотрела, как уходит Родин, уже отделившийся от всех и неистово танцующий на дорожке за прозрачной дверью. На улице показался грузовик, и было видно, как Родин, прекращая танца, поднял руку, грузовик остановился, распахнув дверцу кабины, и Родин, танцую, вскочил на подножку, умудрился сделать лихое па на ней и наконец скрылся за дверцей, дрыгнув напоследок ногой в воздухе, как будто продолжал свой танец в кабине. Возможно, так и было. Грузовик уже уходил с щемлящим прощальным гудком, вслед ему пристально смотрели белокурая девочка и растерянная Таня.

...— А куда люди деваются, когда умирают?

— Их в землю закапывают.

— А мне дедушка рассказывал, что они улетают на небо.

Несколько семилетних мальчишек в одинаковой одежде, с нашивками на воротниках «Детдом № 193», качаются на ветках деревьев. Есть такая детская забава: повисаешь на гибкой, нетолстой ветви, наваливаешься всем телом и летишь чуть не до самой земли. Потом ветка плавно несет тебя обратно, вверх.

— А почему же они обратно не возвращаются?

— Их бог не отпускает.

— Вот свистун!

— Ничего ты не понимаешь...

Маленький Родин слезает с дерева.

Он идет медленно, задрал голову, но скоро устает, опускает взгляд и видит огромного зеленого кузнечика. Подхо-

дит. Кузнечик отпрыгивает. Родин снова приближается, кузнечик снова отпрыгивает. Родин увлекается, бежит, прыгает, крадется, — нет, хитер кузнечик. Наконец он застывает на травинке. Родин наклоняется, разглядывает его, ложится, чтобы получше рассмотреть. Кузнечик не шевелится. Он умиротворен. Родин ложится на спину, закидывает голову, и здесь происходит чудо. В синем небе, чуть в стороне от Родина появляется и медленно движется к земле белое видение. Это человек с надувшимся куполом над головой, со сходящимися к телу от купола шнурами. Это женщина. Она вся в белом, и купол белый, и шнуры белые.

Родин мчится по пустырю. Он перепрыгивает через канаву, продирается сквозь кусты, падает, поднимается, перелезает через заборчик, бежит по листве, проскакивает лужу, спешит изо всех сил. В тихом осеннем саду, прочерченном расходящимися снопами света, в котором плавают пылинки, он снова видит ее.

Парашют отнесло в сад, стропы запутались в ветках, женщина в белом спортивном костюме висит высоко над землей и тихо покачивается. Глаза ее закрыты.

Родин лезет по шершавому стволу, торопится, обдирает колени, но добирается до ветки, близко от которой, приближаясь и удаляясь, плывет в пыльном золотом луче лицо, кажущееся ему знакомым и родным.

— Мама, ты ушиблась? Мама! Ты с неба, да? Я тебя ждал.

Он трогает рукой ее бледное лицо.

Она открывает глаза и, увидев его, улыбается...

ДЕСЯТЫЙ

Гремит гром, и сильный ветер проходит по траве. В воздухе тонко, неумовно звучит тревожная нота последнего затишья, и тут же, сразу, потоком обрушивается ливень.

Это обильный, яростный дождь, который случается раз в лето и всегда наделает бед.

Ударил взрыв в горах.

— Раз, — считает Родин.

— Два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Сверху на площадку над горной рекой, где стоят промокшие взрывники, сыплется каменная дробь.

— А десятого нет.

— Опять перебило.

— Я же говорил, нельзя работать с этим кабелем, — злится высокий белозубый парень, несколько месяцев назад вытаскивавший Родину из огня.

— Да еще этот дождь. Откуда его принесло, сволочь такую?

Они замолчали.

Дело с утра не заладилось. Мавлянова не было, кабель рвался под камнепадом, шурфы были пробиты неточно,

порода не слушалась, не отлетала в рассчитанное место. Бывают такие дни.

— Ну что будем делать?

— Проверить надо. — Родин, отшвырнув сигарету, выскочил из-под навеса. — Я быстро.

Он полез по крутому склону. Посыпались камни, Родин съехал. Остановился, сбросил куртку, отшвырнул ее. Снова лезет вверх.

— Не спеши, Родин. Осторожней! — кричит белозубый. — Нам с утра не везет!

— Ерунда! — откликается Родин. — Я в приметы не верю.

А дождь все усиливается, хлещет по скалам, и снизу отвечает ему глумом стремительная, белая от пены, разбухающая на глазах горная река.

Родин обходит скалу, нашаривает кабель, идет вдоль него, подтягивается выше, ищет, куда поставить ногу.

И здесь срабатывает десятый заряд.

Кабель действительно перебило, он был плохо прикрыт, но оторвавшиеся концы лежали близко, их замкнуло.

Заряд был далеко, Родина только оглушило и бросило вниз, в реку. Шквал воды обрушивается на него, крутит, переворачивает, накрывает. Он выныривает барахтаясь, делает рывок к берегу, но его вдруг тянет вниз. Это каменистый спад, и Родин, взмахнув руками, падает в пенистый kloчущий вулкан, скрывается в нем.

Торжествует, ревет ливень, и поток, обретший могущество, ликует в полную силу. Сплошная завеса дождя стоит над холмами, а где-то очень далеко в косматых клубках дымящихся туч уже открывается крохотный клочок синевы, четкий и глубокий.

Вцепившись в торчащий над водой валун, Родин, задышавшись, поднимает голову к водопаду и широко открывает глаза.

На гребне водопада появляется арбуз. За ним выплывает второй, третий, их десятки, с гулкими шлепками они падают вниз, зеленые, крупные, полосатые арбузы.

Родина отрывает от камня и бросает вперед. Вокруг скачут

и пролетают, как пушечные ядра, арбузы и ложатся на воду, погружаются, тяжелые и спелые, но вновь всплывают и, качаясь, несутся по волнам.

Один арбуз раскалывается о камень, обнажается его ярко-красная мякоть, сыплются черные семечки.

— ...Две телеги перевернуло!

— Ну и дождь. Гвозди в него забивать можно!

— Сейчас кончится. Вон синее.

Несколько мокрых до нитки мужчин стоят на камнях посреди реки и торопливо растягивают металлическую сетку.

— Заводи к камню!

— Нет, не удержится. Колышком бы подпереть. Дай багор.

— Люди, утопленник!!!

В железной сетке бьется на волнах среди арбузов тело Родина. Все бросаются к нему, подхватывают, выносят на берег, он уже дергается, пытается встать, его сажают, он вскакивает, трясет головой, всхлипывает, смеясь и плача.

Все облегченно смеются, хлопчут вокруг него.

— Ну что, наглотался? Дайте чапан.

— Что чапан? Водки бы ему!

— Может, растереть?

— Эх, сынок, поаккуратней надо. Тебе еще жить да жить.

— Сейчас мы тебя согреем. Не тушуйся, бывает и хуже.

— Пойдем, я тебя в дом отведу. А то еще простудишься...

Пойдем...

А он стоит сжавшись, синий от холода, стуча зубами, и из носа, ушей, рта идет вода...

ЧЕРЕЗ ГОД ИЛИ ПОЛТОРА

Светлый день. По улице быстро шагают Родин и Рустам. Оба с букетами.

Родин прежний, усы он все же сбрил.

Рустам посолиднел, раздался в плечах.

Их двое. Остальные...

ТАСОС

«Переворот в Греции».
«Власть в руках военных».
«Танки на улицах Афин».
«Тысячи арестованных».

Один из этих тысяч — Тасос. Он был схвачен во время разгона молодежной демонстрации на набережной в Салониках. Фотография ареста промелькнула во многих газетах под тревожными заголовками о событиях в Греции. Вот она, эта фотография. Лицо Тасоса окровавлено, искажено от боли. Двое полицейских деловито выворачивают ему руки.

БОХОДЫР

Боходыр в Ташкенте.

В настоящий момент он идет на свидание с девушкой по имени Соня. Они встречаются на старом месте.

ЭДИК

Солдат Эдик далеко, на краю света.

Задыхаясь, он бежит с автоматом в руках и с огромной овчаркой на поводке. Эдик — пограничник.

ТАНЯ

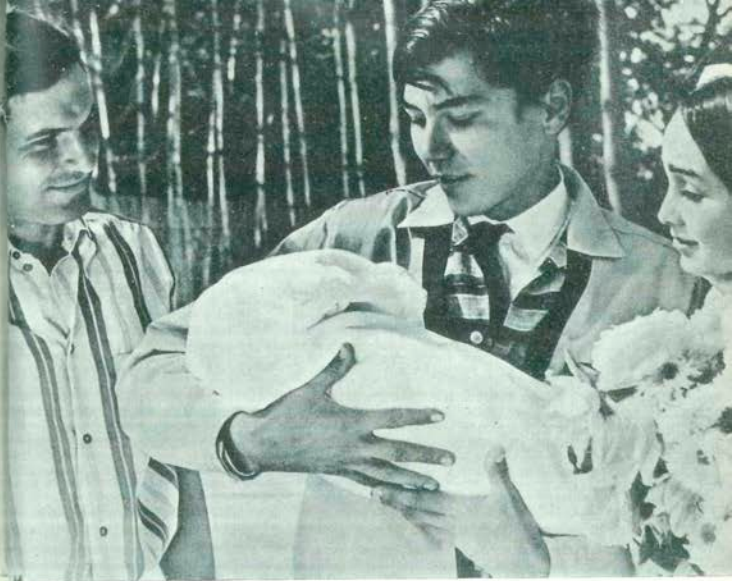
Таня выходит замуж. За Шухрата, конечно. Свадьба в разгаре, стол шумит, гости кричат «горько».

САНЯ

И Саня стал человеком. Он работает ударником в нескольких оркестрах. Совмещает.

Перемены, перемены. Юность кончилась.

По солнечной, полной трепетного белого света аллее идет молодая женщина с прекрасными серыми глазами, идет, прижимая к груди круглый, вытянутый сверток-конвертик, где спит человек.

Рустам спешит ей навстречу. Родин отстает.

А она идет к ним неторопливо, спокойно, с тихой улыбкой и не знает, что она — вечная мадонна, осененная трепетным светом мира.

Рустам протягивает руки, и она, подумав, подает ему сына, бережно и умело, как всякая уважающая себя мадонна.

— Только осторожно, — говорит она. — Не урони. И не сжимай. Ему будет больно.

Кому она говорит? Мужу, отцу, взрослому человеку Рустаму? Конечно, ему.

И всему тревожному миру нашему говорит сероглазая Женщина, Мать, Мадонна:

— Осторожно. Только осторожно. Это человек, сын человеческого. Что с ним будет, каким он станет, — все зависит от нас...

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

НЕЖНОСТЬ.

Автор сценария — О. Агишев. Режиссер — Э. Ишмухамедов.
Оператор — Д. Фатхуллин. Художник — М. Чочиев. Композитор — Б. Троцюк.

В ролях: М. Стерникова (Лена), Р. Нахапетов (Тимур), Р. Агзамов (Санджар), М. Махмудова (Мамура), С. Бородин (Ульфата), Т. Рахимов (Марат), Ш. Иргашев (Шухрат).
Производство киностудии «Узбекфильм». 1966.

ВЛЮБЛЕННЫЕ.

Автор сценария — О. Агишев. Режиссер — Э. Ишмухамедов.
Оператор — Г. Тутунов. Художники — М. Чочиев, С. Зиямухамедов. Композитор — Б. Троцюк.

В ролях: Р. Сагдулаев (Рустам), А. Вертинская (Таня), Р. Нахапетов (Родин), Г. Апанаева (Гюзаль), К. Хачатурян (Тасос), Р. Агзамов (Боходыр), С. Гурзо (Эдик), У. Салахутдинов (Улугбек), Х. Умаров (отец Рустама), Н. Атауллаева (мать Рустама), Р. Закиров (Джавлон), В. Барамыков (Саня), Ш. Иргашев (Шухрат).
Производство киностудии «Узбекфильм». 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕЖНОСТЬ

I. САНДЖАР	12
II. ЛЕНА	38
III. МАМУРА	63

ВЛЮБЛЕННЫЕ

ЭХ, САНЯ, САНЯ	74
СВЕТ В ОКОШКЕ	79
«ЛУЧШЕМУ ВРАТАРЮ»	85
ОТЕЦ	90
ОПАЛЕННЫЕ РЕСНИЦЫ	96
ДАЛЕКИЙ ГОРОД САЛОНИКИ	99
ДВЕСТИ КИЛОГРАММОВ АММОНИТА	100
РУСТАМ	103
ТРИСТА КИЛОГРАММОВ АММОНИТА	106
ПЕРВАЯ ПЛАТФОРМА	109
ПОСЛЕ ПОХОРОН	115
ЖУТКИЙ РОМАН БОХОДЫРА МУЗАФФАРОВА	119
НЕЖНОСТЬ	123
ДА	123
ВЫ ОЧЕНЬ СМЕШНОЙ	130
ДЕСЯТЫЙ	136
ЧЕРЕЗ ГОД ИЛИ ПОЛТОРА	139
ТАСОС	140
БОХОДЫР	140
ЭДИК	140
ТАНЯ	140
САНЯ	140
ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА	142

Агишев О.

А 24 Нежность. Влюбленные. Киносценарии.
М., «Искусство», 1973.

144 стр. с ил. (Б-ка кинодраматургии).

Книга кинодраматурга Одельши Агишева составлена из двух его сценариев «Нежность» и «Влюбленные», по которым на узбекской киностудии поставлены фильмы, пользующиеся большим успехом среди зрителей. Лиризм, романтический настрой, яркость национальных характеров — черты, характерные для всего творчества Агишева, проявились и в этих его произведениях, взволнованно повествующих о жизни советской молодежи.

А 0815-091 141-146-73
025 (01)-73

С(Узб)2

Одельша Александрович Агишев

НЕЖНОСТЬ. ВЛЮБЛЕННЫЕ.

Редактор И. Н. Владимирцева
Оформление художника Г. К. Александрова
Художественный редактор И. С. Жихарев
Технический редактор Л. И. Пчурова
Корректор Т. В. Кудрявцева

Сдано в набор 16/1-1973 г.
Подписано к печати 4/VII-1973 г. А10923
Формат издания 70х90^{1/32}
Бумага тифдручная 75 г/м² Усл. п. л. 5,355
Уч.-изд. л. 7,004 Изд. №15112
Тираж 30 000. Заказ №147
Цена 36 коп.

Издательство «Искусство»
Москва, К-51. Цветной Бульвар, 25
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5. Фотоабор.

(в соавторстве с К. Ярматовым, М. Мелкумовым, В. Алексеевым, Н. Сафаровым). Затем следуют киносценарии к фильмам: «Белые, белые аисты» (в соавторстве с А. Хамраевым), «Чрезвычайный комиссар» (в соавторстве с ним же), «Нежность» и «Влюбленные».

Последние два сценария, предлагаемые вниманию читателя, были созданы О. Агишевым в тесном творческом контакте с режиссером Эльером Ишмухамедовым, причем их содружество продолжалось на всех этапах создания фильмов.

36 коп.

